

ПОТЕРЯННЫЙ КОНТИНЕНТ: ИСТОРИЯ АТЛАНТИДЫ

Ч. Дж. Катклиф Хайн



Ранняя Научная Фантастика

Чарльз Джон Катклиф Хайн
Потерянный континент:
история Атлантиды
Серия «Золотой фонд
фантастики», книга 15
Серия «Ранняя зарубежная фантастика»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69401275
SelfPub; 2024*

Аннотация

Перед вами, дорогой читатель, фантастический роман английского писателя Чарльза Джона Катклифа Хайна, написанный им в 1899 году. В романе используется распространенный в девятнадцатом веке прием "обрамляющей истории", чтобы поместить повествование в контекст и повысить его правдоподобность. Сама история была написана предположительно Девкалионом, воином-жрецом древней Атлантиды; поскольку текст был частично непреднамеренно уничтожен одним из его первооткрывателей во время его обнаружения, он не является полностью полным. Роман был впервые опубликован частями в журнале в июле–декабре 1899 года и в виде книги в твердом переплете в 1900 году в Америке и

Англии. В дальнейшем роман "Потерянный континент – история Атлантиды" переиздавался в 1944, 1972, 1974, 2002 и 2017 годах. И вот известный во всем мире роман вышел впервые на русском языке и представлен вашему, дорогой читатель, вниманию!

Содержание

Введение. Легаты Девкалиона	5
Глава 1. Моя отставка	20
Глава 2. Возвращение в Атлантиду	37
Глава 3. Вражеский флот	52
Глава 4. Прием Форенис	65
Глава 5. Проклятие Заэмона	83
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Чарльз Джон Катклиф Хайн Потерянный континент: история Атлантиды

Введение. Легаты Девкалиона

Мы оба немного окоченели после ночевки под открытым небом, ведь даже на Больших Канарах роса и относительный холод ночи не являются исключением. Сам я в таких случаях люблю немного пробежаться, чтобы взбодриться. Но здесь, на этой пересеченной местности в центре острова, не было и трех ярдов ровной поверхности, поэтому, когда Коппингер приступил к выполнению упражнений с гантелями из пары глыб каменной лавы, я последовал его примеру. Коппингер в свое время немало испытал на прочность, но, будучи доктором медицины, помимо всего прочего, в среднем каждые два года он получает новую степень в том или ином качестве, он прекрасно разбирается в медицинских науках и исповедует их как религию.

За два дня до этого прошел дождь, и поскольку внизу склона все еще струился ручей, мы спустились туда, умылись

и почистили зубы. Самая большая роскошь, которую только можно себе представить, – зубная щетка в такого рода экспедиции.

– Итак, – сказал Коппингер, когда мы опустошили карманы, – осталось совсем немного, и это не лучше, чем то, что об этом писали в местной испанской газете.

– У тебя в основном табачный пепел.

– Будет еще хуже, если мы бросим это дело. Впереди у нас еще много тяжелых переходов.

Это было очевидно. Так что мы сели у ручья на нижнем краю склона и съели все, что осталось. До фонды в Санта-Бригиде, где мы расставили свои ловушки, было десять миль пути, а поскольку Коппингер собирался сделать еще много фотографий и замеров, прежде чем мы покинем эту группу пещер, можно было верить, что мы будем довольно хорошо подготовлены к следующему приему пищи и следующей дегустации великолепного старого деревенского вина Патрон. Моя вера! Если бы только в английских отелях Лас-Пальмаса знали, какие великолепные вина можно достать – с помощью дипломатии – в некоторых горных деревнях, старый винтаж ушел бы в прошлое за неделю.

По правде говоря, две мумии, которые он раздобыл, уже вполне оправдали мои маленькие амбиции. Козьи шкуры, в которые они были зашиты, были непрочными, как бумага, а сами бедняжки пускали пыль, как пуховый шарик, когда к ним прикасались. Но вы же знаете, что такое Коппингер.

Он думал, что наткнулся на следы старого университета гуанчей, или священного колледжа, или чего-то в этом роде, вроде того, что есть на другой стороне острова, и он не успокоится, пока не разграбит все пещеры на всем склоне скалы. У него оставалось достаточно материала для вспышки, и еще двадцать восемь пленок в его "Кодаке", и он сказал, что мы могли бы закончить работу прямо сейчас, а не возвращаться специально. Так что он взял ломик, а я – веревку, и мы отправились на гребень скалы, где накануне так пекло от солнца.

Конечно, к этим пещерам было не так-то просто подобраться, иначе их бы уже давно обшарили. Коппингер, который принципиально делает вид, что знает все о таких вещах, говорит, что в старые времена у гуанчей были веревочные лестницы из козьей шкуры, по которым они могли подниматься, когда находились дома, и таким образом отгораживаться от нежелательных гостей, и поскольку мне не приходило в голову никакого другого варианта, возможно, он был прав. Так или иначе, устья пещер находились на более или менее ровном участке в тридцати футах ниже гребня скалы и в пятидесяти футах над ее подножием, а испанское любопытство не заходит туда, где нельзя спокойно прогуляться.

Лестница, поставленная снизу, была бы очень громоздкой, но легкая веревка с узлами легко переносима, и хотя по ней было бы трудно подниматься, наш план состоял в том, чтобы спускаться к устью каждой пещеры сверху, а затем со-

скальзывать к подножию скалы и снова начинать движение к следующей.

Коппингер достаточно отважен, и у него отличная форма и высокий рост, но нельзя не заметить, что он полноват и ему ближе к пятидесяти, чем к сорока пяти. Так что, как вы понимаете, он должен был быть очень увлеченным. Конечно, я каждый раз шел первым, проникал в устье пещеры и делал все, что мог, чтобы помочь ему; но когда приходится спускаться по вертикальной скале махом, имея в качестве опоры лишь тонкий веревочный канат, человек внизу не может оказать реальной помощи, разве что пожелать всего наилучшего.

Я хотел уберечь его как можно лучше, и так как первые три пещеры, в которые я забрался, были маленькими и пустыми и казались просто кладовыми, я попросил его принять их как должное, а остальное приберечь для себя. Но он настоял на том, чтобы спуститься в каждую из них лично, и поскольку он решил, что один из моих амбаров был тюрьмой, другой – фабрикой по производству горшков, а третий – школой для молодых священников, он, естественно, сказал, что не очень-то доверяет моему мнению и должен сам все осмотреть. Вы же знаете, что такое воображение у этих дотошных археологов.

Но по мере того, как день продолжался, и солнце поднималось все выше, Коппингер начал явно уставать от этого, хотя он был настроен весьма решительно и настаивал на том,

чтобы продолжать гораздо дольше, чем это было бы безопасно. Должен сказать, что мне это не понравилось. С вершины скалы падать было не менее восьмидесяти футов. Однако, в конце концов, он был вынужден отказаться от этого. Я предложил немедленно отправиться в Санта-Бригиду, но он не захотел этого делать. Нужно было осмотреть еще три пещеры, и если я не сделаю это за него, ему придется еще раз попытаться добраться туда самому. Он пытался сделать вид, что оказывает мне большую услугу, предлагая составить отчет только на основе моих неподготовленных наблюдений, но я категорически отказался смотреть на это в таком свете. Я тоже изрядно устал – от жары я весь промок от пота, голова болела от солнечных лучей, а руки были изрезаны веревкой.

Коппингер, может быть, и устал, но он все еще был полон энтузиазма. Он пытался воодушевить и меня.

– Послушай, – сказал он, – неизвестно, что ты можешь там найти, и если ты что-нибудь найдешь, помни, что это твое собственное. Я не буду иметь никаких притязаний.

– Очень мило с вашей стороны, но мне больше не нужны мумии в мешках из козьей шкуры.

– Ха! Это не погребальная пещера. Разве ты еще не понял разницу по отверстию входа? Будь хорошим парнем. Из того, что мы зачеркнули все остальные отверстия, не следует, что ты не наткнешься там на хорошую находку для себя.

– Ну, хорошо, – сказал я, поскольку он, судя по всему, был непоколебим, и пошел, спотыкаясь о поваленные камни,

по карнизу, а затем вскарабкался наверх по той расщелине в скале, которая избавила нас от двухмильного обхода, который нам пришлось сделать вначале. Я выдернул ломик и воткнул его в новое место, а затем перебрался через край, руки болели от каждого нового сжатия веревки. Было неудобно качаться в устье пещеры, потому что скала нависала сверху, или же (что было одно и то же) она откололась внизу; но я как-то справился, хотя приземлился с неприятным грохотом на спину, и в то же время я не отпускал веревку. Не стоило терять веревку в этом случае – Коппингер не смог бы перекинуть ее на меня, находясь внизу.

С первого взгляда я понял, что эта пещера отличается от других. По большей части они представляли собой просто норы, так или иначе закругленные, эта была обработана резцами, так что все углы были четкими, а бока гладкими и ровными. Стены наклонялись внутрь к потолку, напоминая мне архитектуру, которую я видел раньше, но не мог вспомнить где, кроме того, здесь было несколько комнат, соединенных переходами. Я был рад обнаружить, что другие отверстия пещеры, которые Коппингер хотел, чтобы я исследовал, были просто окнами или дверными проемами в двух из других комнат этой пещеры.

На стенах не было ни малейших следов надписей или рисунков, хотя я тщательно все осмотрел, и, за исключением летучих мышей, здесь было совершенно пусто. Я зажег сигарету и выкурил ее, Коппингер обычно полагает, что чело-

век неаккуратно выполняет работу, если слишком быстро с ней справляется, затем подошел ко входу, где была веревка, высунулся наружу и прокричал вниз свои новости.

У него было очень озабоченное лицо.

– Вы все тщательно обыскали? – прокричал он в ответ.

– Конечно, обыскал. Что, по-вашему, я делал все это время?

– Нет, не спускайтесь пока. Подожди минутку. Я повторю, старина, подожди минутку. Я быстренько прицеплю кодак и вспышку на конец веревки. Подтяни их и сделай мне полдюжины экспозиций, будьте умницей.

– Да, хорошо, – сказал я, подтянул вещи и занес их внутрь.

Фотографии будут абсолютно скучными и неинтересными, но для Коппингера это не имело значения. Он предпочитал, чтобы они были именно такими. Фотографируя эти темные интерьеры, нужно быть осторожным, чтобы не было засветов, но у каждого дверного проема был выступ, похожий на сиденье, и я поставил камеру на него, чтобы обеспечить устойчивое положение, и светил фонариком сзади и сверху.

Таким образом я сфотографировал четыре помещения, а затем подошел к одному, где выступ был выше и шире. Я опустил камеру, подпер ее обломками камня, а затем сел сам, чтобы зарядить вспышку. Но как только мой вес уперся в этот выступ, раздался резкий треск, и я провалился вниз на полдюжины дюймов.

Конечно же, я резко поднялся и успел подхватить "Кодак"

как раз в тот момент, когда он собирался соскользнуть на землю. Признаюсь, я почувствовал огромное удовольствие. Во всяком случае, здесь был своего рода чулан гуанчей, а поскольку они позаботились о том, чтобы герметично заделать его цементом, можно было предположить, что в нем есть что-то, что стоит спрятать. Сначала ничего не было видно, кроме кучи пыли и обломков, поэтому я зажег свечу и расчистил все это. Однако вскоре я начал обнаруживать, что вынимаю не цемент, а нечто другое. Он откалывался равномерными слоями, и когда я вытащил его на дневной свет, то обнаружил, что каждый слой состоит из двух частей. С одной стороны был блестящий материал, похожий на тальк, а с другой – покрытие из темного материала ирисового цвета, возможно, воска. Поверхность цвета ириса была покрыта каким-то узором.

Я не обладаю никакими знаниями в этих вопросах, и, как следствие, принял то, что Коппингер рассказал мне о привычках и занятиях гуанчей, как более или менее правдивое. Например, он неоднократно внушал мне, что эти древние люди не умели писать, и, помня об этом, я не догадался, что узоры, нацарапанные на воске, были буквами какого-то вышедшего из употребления алфавита, что, если бы я был предоставлен самому себе, я, вероятно, должен был бы сделать. Но в ту же секунду я пришел к выводу, что вещь стоит того, чтобы ее присвоить, и принялся за работу, выковыривая ее каблуком ботинка и перочинным ножом.

Все листы были более или менее слипшимися, поэтому я не стал их дальше разделять. Они точно прилегали к полосе, в которой хранились, но, разбив ее переднюю часть, я смог подобраться к основанию, а затем ножом прорезал нижние слои, пока не вытащил всю массу одним цельным куском. Размер этого куска был примерно двадцать дюймов на пятнадцать, но он оказался не таким тяжелым, как выглядел, и, сделав несколько снимков, я спустил его на веревке вниз к Коппингеру.

Больше в пещерах делать было нечего, и я спустился следом. Комок листов лежал на земле, а рядом с ним на четвереньках примостился Коппингер. Он был почти безумен от восторга.

– Что это? – спросил я его.

– Я еще не знаю. Но это самая ценная находка, когда-либо сделанная на Канарских островах, и она твоя, ты, неблагодарный голодранец; по крайней мере, то, что от нее осталось. О, черт, черт, ты разрушил начало и разрушил конец какой-то истории, которая, возможно, бесценна. Это я сам виноват. Я должен был догадаться, что лучше не поручать необученному человеку важную исследовательскую работу.

– Я думаю, это ваша вина, если все пошло не так. Вы сказали, что древним канарцам не было знакомо такое понятие, как письменность, и я поверил вам на слово. В любом случае, я понял, что этот материал мог быть чем-то вроде еды.

– Это вовсе не работа гуанчей, – сказал он раздраженно. –

Ты должен был догадаться об этом по тальку. Боже правый, у тебя что, глаз нет? Разве ты не видел, как устроен остров? Разве ты не знаешь, что здесь нет талька?

– Я не геолог. Значит, это завезенная извне писанина?

– Конечно. Она египетская – это видно с первого взгляда. Хотя как она сюда попала, я пока не могу сказать. Это не то, что можно прочесть, как газету. Иероглиф – это вариант любого из тех, что были обнаружены до сих пор. А что касается этого воскообразного вещества, нанесенного на тальк, то оно уникально. Это какой-то минерал, я так думаю – скорее всего, асфальт. Он не стирается, как обычный воск. Я проанализирую это позже. Удивительно, почему его однажды создали, а потом такое великолепное изобретение вышло из употребления. Я мог бы предаваться раздумью по этому поводу весь день.

– Ну, – сказал я, – для тебе это, конечно, все равно, но я лучше пораздумываю над едой. До фонды добрых десять миль тяжелого пути, а я уже голоден, как ястреб. Смотри-ка, а ты знаешь, что уже четыре часа? Спуск в каждую из этих пещер занимает больше времени, чем ты думаешь, а потом еще и подъем в следующую.

Коппингер расстелил на земле свой плащ и с нежной заботой завернул комок листов, но не позволил обвязать его веревкой, боясь сломать края. Он настоял на том, чтобы нести его самому, и делал это на протяжении большей части пути до Санта-Бриджиды, и только когда он был на волосок от то-

го, чтобы упасть от усталости, он снизошел до того, чтобы позволить мне занять свое место. При этом он был весьма немилосерден.

— Полагаю, ты сможешь нести эту вещь, — огрызнулся он, — ведь в конце концов она твоя собственная.

Лично я, когда мы добрались до фонды, поужинал так хорошо, как только было возможно, и выпил бутылку старого канарского вина, а после того, как выкурил последнюю трубку, отправился в постель. Коппингер тоже поужинал, но у меня есть основания полагать, что он почти не спал. Во всяком случае, на следующее утро я застал его все еще изучающим находку, с глазами усталыми, но полными энтузиазма.

— Знаете ли вы, — сказал он, — что наткнулись на самый ценный исторический манускрипт, который когда-либо видел современный мир? Конечно, своим неуклюжим способом вытащить ее, вы нанесли огромный ущерб. Например, те верхние листы, которые вы растрепали и испортили, содержали, возможно, совершенно уникальный рассказ о древней цивилизации Юкатана.

— Где это, кстати?

— В центре Мексиканского залива. Сегодня там одни руины, но когда-то это была весьма процветающая колония атлантов.

— Никогда о них не слышал. Хотя да, слышал. О них писал Геродот, не так ли? Но я думал, что они мифические.

— Они были вполне реальны, как и Атлантида, континент,

где они жили, который лежал чуть севернее Канарских островов.

– А что это за крокодил с крыльями, нарисованный на полях?

– Какой-то зверь, живший в те далекие времена. На страницах полно таких. Вот это пещерный тигр. А это какая-то колоссальная летучая мышь. Слава богу, у него хватило ума проиллюстрировать все это, у человека, который это написал, иначе мы никогда не смогли бы восстановить эту историю, или, во всяком случае, не поняли бы и половины. Со времени написания этой книги вымерли целые виды животных и растений, был сметен целый континент и угасли три цивилизации. Хуже всего то, что ее написал высокообразованный человек, который, естественно, пишет очень коряво. Я просидел над ней всю ночь и сумел разобрать лишь несколько предложений, – он выразительно потер руки. – Чтобы перевести это как следует, мне понадобится год упорной работы.

– Каждому человеку нравится свой собственный выбор. Боюсь, что мой интерес к этой вещи не продлится столь же долго. Но как она появилась? Неужели ваш древний египтянин прибыл на Великие Канары ради пользы для своих легких, а написал ее, потому что ему стало скучно в этой пещере?

– Я ошибся. Автор не был египтянином. Меня ввело в заблуждение сходство начертанного иероглифа. Книга была

написана неким Девкалионом, который, похоже, был жрецом или генералом, а может быть, и тем, и другим, и он был атлантом. Как она оказалась там, я пока не знаю. Вероятно, об этом было рассказано на последних страницах, которые некий вандал изрезал своим перочинным ножом, чтобы унести их с места, где они были спрятаны.

– Да, правильно, оскорбляйте меня. Девкалион, говорите? В греческой мифологии был некий Девкалион. Он был одним из тех двоих, кто спасся от потопа – по сути, их Ной.

– Затопление континента Атлантида вполне может соответствовать Потопу.

– Тогда существует ли Пирра? Она была женой Девкалиона.

– Я еще не сталкивался с ней. Но есть некая Форенис, которая может быть той самой женщиной. Она, кажется, была царствующей императрицей, насколько я могу сейчас предположить.

Я с интересом рассматривал иллюстрации на полях. Они были вполне понятны, хотя перспектива была неправильной.

– Странные звери, похоже, в те времена разгуливали по стране. Да еще и огромных размеров, если судить по ним. Ей-богу, это пещерный тигр, пытающийся завалить мамонта. Я бы не хотел жить в те времена.

– Вероятно, у них был какой-то способ борьбы с этими существами. Впрочем, это выяснится, когда я займусь переводом.

Он посмотрел на часы:

– Наверное, мне должно быть стыдно за себя, но я еще не ложился. Вы уходите?

– Я поеду обратно в Лас-Пальмас. Я обещал одному человеку сыграть в гольф сегодня днем.

– Очень хорошо, увидимся за ужином. Надеюсь, они вернули мои рубашки из стирки. О, господи! Я хочу спать.

Я оставил его засыпать, вышел на улицу и заказал экипаж, чтобы тот отвез меня вниз, и вот так, можно сказать, мы расстались на значительное время. В гостинице в Лас-Пальмаса меня ждала телеграмма, чтобы я немедленно отправился домой по делам, а в гавани стоял ливерпульский пароход, на который я успел как раз в тот момент, когда он отплывал. Дело было нешуточное, и судоводители нажили на моей спешке целое состояние.

Теперь Коппингер стал для меня лишь знакомым по гостинице, и, поскольку по возвращении в Англию я был по уши погружен в работу, боюсь, что в то время я не вспоминал о нем больше. Так бывает с людьми, которых случайно встречаешь за границей. И, должно быть, не менее года спустя я увидел в одной из газет, что он подарил кучу бумаг Британскому музею, и что их стоимость оценивается в десять тысяч фунтов стерлингов по минимальной оценке.

Что ж, это было небольшим откровением, и поскольку он неоднократно внушал мне, что эти вещи принадлежат мне по праву находки, я написал ему довольно резкую записку,

в которой упомянул, что, похоже, он довольно вольно обращается с моей собственностью. Сразу же пришло ответное письмо, начинающееся со слов: "Доктор Коппингер сожалеет" и т.д., а вместе с ним и английский перевод восковых рукописей. Он "вполне признавал" мои претензии и "верил, что прибыль от публикации будет достаточной компенсацией за любой полученный ущерб".

Я и не думал, что он так плохо отнесется ко мне, и написал в ответ довольно теплый ответ на это, но единственный ответ, который я получил на это, был через адвокатскую контору, которая заявила, что все дальнейшие сношения с доктором Коппингером должны осуществляться через них.

Здесь я должен открыто сказать, что сожалею о его позиции в этом вопросе; но поскольку дело зашло так далеко, я склонен последовать его предложению. Соответственно, старинная история напечатана в настоящем издании, заслуга (и ответственность) за перевод лежит на докторе Коппинджере, а все доходы, полученные от читателей, пойдут тому, кто нашел оригинальные тальково-восковые листы, то есть мне.

Если в эту схему будут внесены какие-либо изменения, об этом будет объявлено позднее. Но в настоящее время это представляется маловероятным.

Глава 1. Моя отставка

Официальный прием был окончен. Был оглашен указ, имя императрицы Форенис было прославлено, и новый наместник был введен в должность со всей той грандиозной и величественной церемонией, которая издревле приобрела помпезность и пышность. Формально я передал бразды правления, формально Татхо уселся на змеиный трон и надел на шею цепь из драгоценных камней, символизировавшую верховный пост, а затем, пока барабаны и трубы издавали свои громогласные звуки, он поднялся на ноги, чтобы совершить свой первый государственный обход позолоченного зала совета в качестве вице-короля провинции Юкатан.

Со сложенными руками и склоненной головой я следовал за ним между сверкающими рядами солдат и блестящей толпой придворных, начальников и государственных деятелей. Балки крыш дрожали от криков: "Да здравствует Татхо! Процветай императрица!", которые раздавались по долгу службы, и новый правитель приветствовал их величественными наклонами головы. В свою очередь он подошел к трем тронам меньших правителей, восточного, северного и южного, и принял почести от каждого в соответствии с ритуалом, а я, человек, которого низложили с его приходом, с положенной кротостью последовал за ним.

Это была трудная задача, но мы, занимающие высокие по-

сты, учимся носить перед народом бесстрастное лицо. Когда-то, за двадцать лет до этого, такие же изысканные поклоны были сделаны мне, теперь боги сочли нужным переменить мою судьбу. Но пока я шел, склонившись и смиренно ступая по пятам за Татхо, хотя этикет и запрещал шумные приветствия в мой адрес, он не мешал добрым взглядам, и они исходили от каждого воина, каждого придворного, каждого вождя, стоявшего в этом золоченом зале, и падали на меня с большой благодарностью. Не часто павшие встречают такие ласковые взгляды.

Согласно обычаю, переданному с незапамятных времен, в эти великие торжественные дни смены правителя присутствующие могут приносить петиции и просьбы, могут выдвигать обвинения против отставного главы, гарантируя себе неприкосновенность от его мести, или излагать свои собственные личные идеи для лучшего управления государством в будущем. Я думаю, что можно простить мое тщеславие, если я напишу, что ни один голос не был поднят против меня, ни против чего-либо из того, что было сделано за двадцать лет моего правления. Никто не высказался за изменения в будущем. Да, несмотря на то, что мы прошли круг три положенных раза, все присутствующие выразили свое одобрение благодушным молчанием.

Мы прошли друг за другом, новый вице-король и старый, торжественным шагом по золотым плитам зала совета под пирамидой, и великие государственные чиновники покину-

ли свои места и присоединились к нашему шествию, и у дальней стены мы подошли к двери личных покоев, которые час назад были моими собственными.

Что ж! Теперь у меня не было дома ни в одном из этих чудесных городов Юкатана, и я не мог не чувствовать горячи, хотя, конечно, я был бы благодарен за возвращение на континент Атлантиды с головой на своем месте.

Татхо произнес свой формальный призыв "Откройте наместнику", как велит ритуал, и рабы, находившиеся внутри, широко распахнули массивные каменные задвижки двери. Татхо вошел, я следовал за ним по пятам; остальные остановились, посылая с порога приветствия, и задвижки двери с лязгом захлопнулись за нами. Мы прошли в зал, а затем, когда мы впервые остались вдвоем и навязанный придворный этикет остался позади, новый вице-король повернулся, кротко сложив руки, и низко склонился передо мной.

– Девкалион, – сказал он, – поверь мне, что я не искал этой должности. Она была навязана мне. Если бы я не согласился, моя голова была бы отдана в уплату неустойки, и другой человек, твой враг, был бы послан наместником вместо тебя. Императрица не допускает, чтобы ее воля когда-либо подвергалась сомнению.

– Мой друг, – ответил я, – мой брат по крови, во всей Атлантиде и ее территориях нет человека, которому я бы с большей готовностью передал свое правление. Вот уже двадцать лет я управляю этой страной Юкатан и всей Мекси-

кой, сначала при старом короле, а затем в качестве министра при новой императрице. Я знаю свою колонию, как книгу. Я близко знаком со всеми ее замечательными городами, с их дворцами, пирамидами и людьми. Я охотился на зверей и дикарей в лесах. Я построил дороги и сделал реки такими, чтобы они могли перевозить грузы. Я развивал искусства и ремесла, как купец; я трижды в день произносил собственными устами речь о божественном культе. Через злые годы и через добрые я правил здесь, стремясь лишь к процветанию земли и укреплению Атлантиды, и я полюбил эти народы, как отец. Тебе я завещаю их, Татхо, с горячей мольбой об их защите.

– Не я смогу продолжить дело Девкалиона с силой Девкалиона, но будьте довольны, друг мой, я сделаю все, что в моих силах, чтобы в точности следовать по вашим стопам. Поверьте, я пришел к этому правлению с тысячей сожалений, я бы скорее умер, чем занял ваше место, если бы знал, как сильно будет беспокоить вас смещение.

– Мы здесь одни, – сказал я, – вдали от формальностей официальных собраний, и человек может дать волю своему внутреннему "я", не боясь испортить церемонию. Ваше появление было неожиданным. До того момента, как час назад вы потребовали аудиенции, я думал, что буду править дольше; и даже сейчас я не знаю, по какой причине я смещен.

– В прокламации говорилось: "Мы освобождаем нашего любимого Девкалиона от его нынешней службы, потому что

нам очень нужны его способности дома, в нашем королевстве Атлантида".

– Простая формальность.

Татхо беспокойно оглядел висящие в комнате предметы, привлек меня к себе в центре помещения и понизил голос.

– Я так не думаю, – прошептал он. – Я думаю, ты ей нужен. Наступили трудные времена, и Форенис хочет, чтобы лучшие люди королевства были готовы к ее призыву.

– Ты можешь говорить не таясь, – сказал я, – не опасаясь подслушивающих. Мы находимся в самом сердце пирамиды, построенной из цельного камня длиной в человеческий рост. Я сам наблюдал за укладкой каждого камня. И кроме того, здесь, на Юкатане, у нас нет тонкостей вашей дипломатии старого мира, и мы не станем подслушивать, потому что считаем это позором.

Татхо пожал плечами.

– Я действовал только в соответствии со своим воспитанием. Дома свободный язык делает свободной голову, и есть люди, чье ремесло – рассказывать байки. Тем не менее, вот что я скажу – Трон сотрясается, и Форенис видит необходимость в крепких подпорках. Вот она и послала эту прокламацию.

– Но почему ты пришел ко мне? Прошло двадцать лет с тех пор, как я приплыл в эту колонию, и с того дня я ни разу не возвращался в Атлантиду. Я мало знаю о политике старой земли. Те небольшие новости, которые доходят до нас из-за

океана, здесь читают с небольшим интересом. Юкатан – это другой мир, мой дорогой Татхо, как ты узнаешь в ходе своего правления, с новыми интересами, новыми людьми, новым всем. Для нас здесь Атлантида – это лишь образ, тень, далеко-далеко по ту сторону вод. Именно к этому новому миру Юкатана я стремился все эти годы.

– Если у Девкалиона мало времени, отведенного ему правлением, на размышления о своей родине, то Атлантида, по крайней мере, находит досуг, чтобы восхищаться деяниями своего гениального сына. Кстати, господин, там, на родине, ваше имя несет в себе магию. Когда мы с вами были мальчишками, в колледжах было принято учить, что люди прошлого были величайшими из всех, кого когда-либо видел этот мир; но сегодня это учение изменилось. Именно Девкалион является образцом и примером. Матери называют своих сыновей Девкалионами, как самый ценный подарок на рождение, который они могут сделать. Девкалион – это обиходное слово. Действительно, есть только одно имя, которое близко к нему по известности.

– Вы меня огорчаете, – сказал я, нахмурившись. – Я старался выполнять свой долг ради него самого и ради страны, а не ради похлопываний и ласк вульгарных людей. И кроме того, если есть имена, которые должны быть у каждого на устах, то это должны быть имена Богов.

Татхо пожал плечами.

– Боги? Они очень мало занимают нас в последние годы.

С нашей современной наукой мы перешагнули рубеж старых Богов, а новых так и не появилось. Нет, господин мой Девкалион, если бы твоими соперниками на устах людей были только Боги, твое имя было бы в тысячу раз более известным.

— Из всех человеческих имен, — сказал я, — имя новой императрицы должно быть первым в Атлантиде, ведь наш повелитель, старый король, уже умер.

— Она, конечно, хотела бы этого, — ответил Татхо, и в его тоне было что-то такое, что заставило меня понять, что за этими словами скрывается нечто большее. Я подвел его к одному из мраморных кресел и привычно наклонился к нему. — Я говорю, — сказал я, — не с новым вице-королем Юкатана, а с моим старым другом Татхо, членом клана жрецов, как и я, с которым я работал бок о бок в нескольких небольших внутренних правительствах, в хуторах, в деревнях, в маленьких городах, в больших городах, пока мы набирались опыта в войне и знаний в искусстве управления людьми, и так кропотливо добивались нашего продвижения. Я говорю в личной обители Татхо, которая была моей собственной всего два часа назад, и я хотел бы получить ответ с той простотой, с которой мы всегда тогда обращались друг к другу.

Новый вице-король тяжело вздохнул.

— Я уже почти забыл, как говорить простыми словами, — сказал он. — В последние дни мы стали настолько искушенными, что простая чистая правда может быть воспринята

как бестактность. Но ради памяти о тех ранних годах, когда мы тратили столько же сил на законы и размышления о собственности на скирду сена, сколько сейчас на судьбу мятежного города, я постараюсь говорить с тобой просто и ясно, Девкалион. Скажи мне, старый друг, что ты хочешь знать?

– Что с этой новой императрицей?

Он нахмурился.

– Я мог бы догадаться о твоём интересе, – сказал он.

– Тогда расскажите об этом. Расскажи мне обо всех изменениях, которые произошли. Что сделала эта Форенис, чтобы ее трон в Атлантиде стал шатким?

Татхо все еще хмурился.

– Если бы я не знал, что ты так же честен, как наш Владыка Солнце, твои вопросы несли бы с собой беду. Форенис не терпит тех, кто осмеливается обсуждать ее политику с иной целью, нежели учтиво похвалить ее.

– Ты можешь оставить меня в неведении, если хочешь, – сказал я с легким холодком.

Этот Татхо, казалось, отличался от того Татхо, которого я знал дома, Татхо, моего товарища по работе, Татхо, который участвовал вместе со мной в Коллегии священников, который участвовал рядом со мной во многих яростных схватках, который трудился вместе со мной, чтобы народы под нашим началом процветали. Но он был достаточно проворен, чтобы заметить изменение моего голоса.

– Ты заставляешь меня вернуться к себе прежнему, – ска-

зал он с полуулыбкой, — хотя даже в разговоре с тобой трудно забыть об осторожности, которой научился за последние двадцать лет. Тем не менее, что бы ни случилось с нами, видно, что ты, по крайней мере, не изменился, и, старый друг, я готов доверить тебе свою жизнь, если ты об этом попросишь. На самом деле, ты просишь меня именно об этом, когда просишь меня рассказать все, что я знаю о Форенис.

Я кивнул. Это было больше похоже на старые времена, когда между нами было полное доверие.

— Богам угодно, чтобы я вернулся в Атлантиду, — сказал я, — а что будет потом, знают одни боги. Но мне будет полезно, если я смогу высадиться на ее берегах с некоторыми знаниями об этой Форенис, потому что сейчас я так же невежественен в отношении нее, как какой-нибудь дикарь из Европы или средней Африки.

— Что ты хочешь, чтобы я рассказал?

— Расскажи все. Я знаю только, что она, женщина, правящая, в то время как по древнему закону страны должен править мужчина, что она даже не из клана священников, из которого, согласно закону, должны происходить все правители, и что, как ты говоришь, из-за нее трон пошатнулся. Во времена старого короля трон был тверд, как вечные холмы, Татхо.

— С тех пор история движется с ускорением, и Форенис подстегнула ее. Ты знаешь ее происхождение?

— Я знаю лишь то небольшое, что я тебе уже сказал.

– Она была дочерью свинопаса с гор, хотя сейчас об этом даже не шепчутся, поскольку она объявила себя дочерью богов, с чудесным рождением и воспитанием. А поскольку она объявила святотатством оспаривать это происхождение и приказала сжечь всех, кто вспоминает о ее земном происхождении, басню выдают за правду. Ты видишь, как я верю тебе, Девкалион, рассказывая то, что ты хочешь узнать.

– Между нами всегда было доверие.

– Я знаю, но от этой привычки к подозрительности трудно избавиться даже тебе. Однако позволь мне еще раз подтвердить твою добрую волю к мучениям. Помнишь, Заэмон был правителем провинции свинопасов, и жена Заэмона увидела Форенис и забрала ее к себе, чтобы удочерить и воспитать как свою собственную. Говорят, что свинопас и его жена возражали, возможно, они так и сделали; во всяком случае, я знаю, что они умерли, а Форенис была обучена искусствам и грациям и воспитана как дочь рода священников.

– Но все же она была только приемной дочерью, – возразила я.

– Пропуск слова "приемная" был ее волей в раннем возрасте, – сухо ответил Татхо, – и она рано научилась воплощать свои желания в жизнь. Известно, что, не достигнув пятнадцати лет, она управляла не только женщинами дома, но и Заэмоном, а также провинцией за Заэмоном.

– Заэмон был образованным, – сказал я, – набожным последователем богов и искателем высших тайн, но как прави-

тель он всегда был неповоротливым человеком.

– Я не говорю, что на пути Форенис не встретились благоприятные возможности, но у нее есть и гений. То, что она вообще поднялась из того состояния, в котором была, было удивительно. Ни одна женщина из тысячи, оказавшись в таком положении, не стала бы выше простой жены какого-нибудь крепкого крестьянина, который был достаточно прост, чтобы не заботиться о родословной. Но посмотрите на Форенис – ее прихотью было упражняться в стрельбе и практиковаться со всеми боевыми орудиями, а потом, прежде чем кто-либо понял, как и почему это произошло, в провинции вспыхнуло восстание, и вот она, ничтожная девчонка, возглавляет войска Заэмона.

– Заэмон, когда я его знал, был просто насмешкой на поле боя.

– Выслушай меня. Форенис мастерски подавила восстание и предоставила покоренным выбор между мечом и службой. Они сразу же встали в ее ряды и с того момента были ей верны. Я говорю тебе, Девкалион, в этой женщине есть удивительное очарование.

– Ее нынешний историк, кажется, почувствовал его.

– Конечно, почувствовал. Каждый, кто видит ее, попадает под ее чары. Честно говоря, я тоже влюблен в нее и смотрю на свой приезд сюда как на унижительное изгнание. Каждый из приближенных Форенис, как высокопоставленных, так и низких, любит ее одинаково, хотя и знает, что по ее прихоти

может в любую минуту отправиться на казнь.

Возможно, я позволил себе показать свое презрение к этому.

– Ты презираешь нашу слабость? Ты всегда был сильным человеком, Девкалион.

– Во всяком случае, ты видишь, что я до сих пор не женат. У меня нет времени на женские утехы.

– Но ведь здешние колонисты грубы и непривлекательны. Подожди, пока ты не увидишь придворных дам, мой аскет.

– Мне приходит на ум, – сухо сказал я, – что до того, как попасть сюда, я жил в Атлантиде, и в то время я видел столько же придворной жизни, сколько и большинство других людей. Но и тогда я не чувствовал никакого желания жениться.

Татхо усмехнулся.

– Атлантида изменилась так, что сегодня ты вряд ли узнаешь эту страну. Наступила новая эра во всем, особенно в отношении противоположного пола. Я хорошо помню женщин времен старого короля, какими чудовищно некрасивыми они были, как не умели правильно двигаться и держать себя, как отвратительно варварски они одевались. Смею поклясться, что ваши дамы здесь, на Юкатане, и сегодня не столь провинциальны, как были тогда наши. Но вы бы видели их сейчас на родине. Они восхитительны. И превыше всех в очаровании – императрица. О, Девкалион, в один из этих прекрасных дней ты увидишь Форенис во всей ее великолепной красоте и великолепии, и поверь мне, ты упадешь

на колени и раскαιοшься.

— Я увижу, и (раз ты так говоришь) я изменю свой жизненный путь. Боги делают все возможным. Но пока что я остаюсь тем, кто я есть, человеком безбрачным и не желающим быть иным; а пока что я хотел бы услышать продолжение твоей истории.

— Это одна длинная история успеха. Она сместила Заэмона с его правления как по сути, так и по форме, и эта новость распространилась, и клан жрецов восстал в гневе. Двум соседним правителям было велено объединить усилия, взять ее в плен и привести на казнь. Бедные люди! Они пытались исполнить приказ; они, конечно, напали на нее, но в бою она сумела посмеяться над ними. Она убила обоих и устроила резню в их войсках; а тем, кто остался в живых и стал ее пленником, она сделала свое традиционное предложение — меч или служба. Естественно, они не заставили себя долго ждать: для этих простых людей один правитель ничем не отличается от другого, и вот ее армия снова пополнилась.

— Трижды против нее посылали солдат, и трижды она побеждала. Последняя попытка была окончательной. Раньше было обычным делом презирать эту авантюристку, появившуюся так внезапно. Но затем жрецы начали осознавать опасность своего положения, видеть, что сам трон находится в опасности, и понимать, что для того, чтобы сокрушить ее, им придется приложить все силы. Все мужчины, способные носить оружие, были призваны на службу. Было приказано

использовать все известные виды военного искусства. Это была самая большая и лучше всех оснащенная армия, которую когда-либо собирала Атлантида, и Клан Жрецов счел нужным поставить верховным главнокомандующим своего генерала Татхо.

– Тебя! – воскликнул я.

– Именно меня, Девкалион. И заметь, я сражался изо всех сил. Тогда я не был ее созданием, и когда я отправился в путь (поскольку они стремились довести меня до предела), Высший совет жрецов указал мне на мои перспективы. Король, которого мы так долго знали, был хилым и изможденным стариком, он был настолько погружен в изучение тайн и радость от близкого знакомства с ними, что земные дела стали для него отвратительны, и в любой момент он мог принять решение уйти из этой жизни. Клан Жрецов использует свое собственное усмотрение при избрании нового короля, но он принимает во внимание народные настроения, и генерал, который в критический момент может вернуться домой с победой из грандиозной кампании, которая к тому же освободит измученный народ от постоянного использования оружия, станет кумиром того времени. На эти вещи мне было указано торжественно и при полном совете.

– Что! Они пообещали тебе трон?

– И это тоже. Так что, как видишь, я отправился в путь, имея перед собой высокую ставку. Форенис я никогда не видел, и я поклялся взять ее живой и отдать на забаву моим

солдатам. Тогда я был очень уверен в своей стратегии, Девкалион. Но старые боги, на которых я тогда уповал, остались старыми и не научили меня ничему новому. Я тренировал и упражнял свою армию по тем методикам, которые мы с тобой вместе изучали, старый товарищ, и во многих тяжелых боях они сослужили хорошую службу; я вооружил их самым лучшим оружием, которое мы тогда знали, пращей и булавами, луком и копьем, топором и ножом, мечом и метательным огнем; их тела я покрыл металлическими пластинами, даже об их животах я заботился, гоня в тылу сражающихся войск стада домашнего скота.

Но когда наступила битва, их можно было бы назвать людьми из соломы, если бы не причиненный им вред. Своим собственным разумом Форенис создала огненные трубки, которые метали дротик, убивающий с расстояния двух выстрелов из лука, и то, как она управляла своими войсками, ошеломило меня. Они угрожали нам с одного фланга, они преследовали нас с другого. Это не была война, к которой мы привыкли. Это была новая и более смертоносная игра, и мне приходилось наблюдать, как моя великолепная армия съедается волнами на песчаном холме. Ни разу у меня не было возможности навязать ближний бой. Эти новые тактические приемы, которые придумала Форенис, были выше моего искусства. Нас было восемь против одного, и наше тесное построение делало нас еще более легкой добычей. Наступила паника, и те, кто мог, бежали. У меня самого не было

желания возвращаться и зарабатывать топор, который ждет неудачливого генерала. Я пытался умереть там, сражаясь, на том месте, где стоял. Но смерть не приходила. Это была прекрасная схватка, Девкалион, это была последняя схватка.

– И она тебя пленила?

– Я стоял с тремя другими спина к спине, вокруг нас было множество мертвецов, а враги окружали нас. Мы призывали их напасть. Но в рукопашной мы показали, что можем постоять за себя, и поэтому они призывали огненные трубы, из которых они могли бы поразить нас с безопасного для себя расстояния. Затем появилась Форенис.

– "Что здесь происходит?" – сказала она.

– "Мы хотим убить лорда Татхо, который выступил против нас", – сказали они.

– "Так это Татхо?" – говорит она. – "Действительно, прекрасный человек, и, похоже, неплохой боец, в старом стиле. Несомненно, он тот, кто мог бы овладеть новым искусством. Видишь ли, Татхо," – продолжает она, – "у меня обычай предлагать тем, кого я побеждаю, либо меч (который, поверь мне, никогда не был ближе к твоей шее, чем сейчас), либо службу под моим знаменем. Выбирай."

– "Женщина, – сказал я, – прекраснейшая из всех, кого я видел, лучший полководец, которого когда-либо рождал мир, ты сильно искушаешь меня своими достоинствами, но в нашем клане есть традиция, согласно которой мы должны быть верны соли, которую едим. Я все еще человек короля,

и поэтому я не могу принять от тебя никакой услуги".

– "Король умер, – сказала она. – Гонец только что принес известие, рассчитывая, что оно попадет в твои руки. А я – императрица".

– "Кто сделал тебя императрицей?" – спросил я.

– "Та же самая умелая рука, которая дала мне эту победу", – говорит она. – "Это способная рука, как ты видел – она может быть и доброй, как ты узнаешь, если захочешь. После смерти короля Татхо остался без хозяина. Нужна ли Татхо госпожа?"

– "Такая славная госпожа, как ты", – сказал я, – "Да".

– И с того момента, Девкалион, я стал ее рабом. О, ты можешь хмуриться, ты можешь встать с этого места и уйти, если хочешь. Но я прошу тебя вот о чем – сдержи свое наихудшее суждение обо мне, старина, до тех пор, пока ты не увидишь саму Форенис воплоти. Тогда твои собственные уши и твои собственные чувства будут моими защитниками, чтобы вернуть мне твое прежнее уважение.

Глава 2. Возвращение в Атлантиду

В ту ночь слова Татхо не стали для меня успокаивающим снадобьем. Я начал думать о том, что совершил некоторую ошибку, когда настолько заиклился на своем управлении Юкатаном и не старался быть в курсе событий, происходящих дома, в Атлантиде. В течение многих лет было легко заметить, что мореплаватели, занимавшиеся морскими перевозками, разговаривали сдержанно, и что за пределы Атлантиды просачивались только те новости, которые были угодны императрице. Но, как я уже сказал, я был всецело занят своей работой в колонии, и у меня не было желания отдергивать намеренно накиннутую завесу. Кроме того, мне всегда претило подвергать пыткам людей, получивших от начальства приказ молчать, только для того, чтобы они нарушили этот приказ ради моего личного интереса.

Однако железная дисциплина нашего клана священников не оставляла мне возможности выбора действий. Как это было принято, я был лишен своего поста в одно мгновение. С этого момента все бумаги и полномочия принадлежали моему преемнику, и хотя из вежливости мне могли разрешить остаться в качестве гостя в пирамиде, которая совсем недавно была моей, чтобы увидеть еще один восход солнца, было четко предписано, что я должен покинуть эту территорию с максимальной быстротой и поспешить с докладом в Атлан-

тиду.

Татхо, надо отдать ему должное, стремился максимально содействовать моим интересам. Еще до рассвета он снова был рядом со мной, предоставив в мое распоряжение все свои ресурсы.

Мне было достаточно немногого, чтобы обратиться к нему с просьбой.

– Корабль, чтобы отвезти меня домой, – сказал я, – и я буду твоим должником.

Эта просьба, казалось, удивила его.

– Конечно, ты можешь получить его, если пожелаешь. Но мои корабли испорчены долгим переходом и нуждаются в ремонте. Если ты возьмешь их, ты будешь медленно добираться до Атлантиды. Почему ты не возьмешь свой собственный флот? Корабли уже в гавани, я видел их там, когда мы приплыли. Это тоже отличные корабли.

– Но не мой. Этот флот принадлежит Юкатану.

– Ты, Девкалион, и есть Юкатан, вернее, ты был им вчера и был им все эти двадцать лет.

Я понял, что он имел в виду, и эта мысль мне не понравилась. Я довольно жестко ответил, что корабли принадлежат лично купцам или находятся в собственности государства, и я не могу претендовать даже на галеру с десятью рабами.

Татхо пожал плечами.

– Полагаю, ты лучше всех знаешь свою собственную политику, – сказал он, – хотя мне кажется, что для человека,

достигшего такого положения, как твое и мое, просто рискованно не обеспечить себя собственным крепким флотом. Никогда не знаешь, когда может прийти вызов, и из-за отсутствия этих мер предосторожности можно потерять нажитое за дюжину часов.

– Я не боюсь за себя, – холодно сказал я.

– Конечно, нет, ведь ты знаешь, что я твой друг. Но если бы на это вице-королевство был назначен другой человек, ты мог бы быть сильно обделен, Девкалион. Не многие могут устоять перед солидным состоянием, приготовленным и ожидающим их в той самой казне, к которой они пришли.

– Господин Татхо, – сказал я, – мне ясно, что у нас с тобой разные вкусы. Все, что я нажил для себя в этой колонии, мало кто захочет приобрести. У меня есть скудная одежда, в которой вы видите меня сейчас, и коробка с лекарствами, которые я нашел полезными для желудка. У меня также есть три раба, двое из них писцы, а третий – крепкий дикарь из Европы, который готовит мне пищу и наполняет ванну. На свое содержание за годы службы здесь я получал от государства солдатский паек и ничего сверх того, и если от моего имени кто-либо содрал с кого-либо на Юкатане хоть унцию бронзы, я прошу тебя в качестве последней услуги, чтобы этого человека повесили за меня как лжеца и вора.

Тато с любопытством посмотрел на меня.

– Я не знаю, больше ли я восхищаюсь тобой или жалею. Я не знаю, удивляться тебе или презирать. Мы много слышали

о твоей прямоте там, в Атлантиде, о твоей суровости и справедливости, но, клянусь старыми богами, ни одна душа не догадывалась, что ты завел свою причуду так далеко, как эта. Деньги – это сила. С деньгами и ресурсами, которые можно купить за деньги, ничто не остановит такого человека, как ты; в то время как без них тебя могут подставить подножку и повергнуть безвозвратно при первом же ничтожном препятствии.

– Боги решат мою судьбу.

– Возможно, но что касается моей, я предпочитаю взращивать ее сам. Я откровенно говорю тебе, что приехал сюда не для того, чтобы следовать тому образцу, который ты придумал для вице-королевства. Я буду управлять Юкатаном мудро и хорошо, насколько это в моих силах; но я буду управлять им также для блага Татхо, вице-короля. Я взял с собой сюда свой флот из восьми кораблей и личную охрану. Кроме того, есть моя жена, ее женщины и рабы. Все это должно быть обеспечено. Да и почему должно быть иначе? Если народом хотят управлять, его привилегией должно быть хорошо платить за своего правителя.

– Нам не достичь согласия в этом вопросе. Теперь у тебя есть власть, и ты можешь распоряжаться ею по своему усмотрению. Если бы я думал, что это принесет пользу, я хотел бы покорнейше просить вас проявить снисходительность, когда вы будете облагать налогом этих людей, которые находятся под вашим началом. Они стали мне очень дороги.

– Я внушил вам отвращение к себе, и я огорчен этим. Но даже чтобы сохранить твое доброе мнение, Девкалион, которым я дорожу больше, чем мнением всех живущих, я не могу поступать здесь так, как ты поступал. Это было бы невозможно, даже если бы я этого захотел. Ты не должен судить обо всех других людях по своему собственному высокому стандарту – Татхо отнюдь не такой колосс, как Девкалион. Кроме того, у меня есть жена и дети, и они должны быть обеспечены, даже если я буду пренебрегать собой.

– Ах, вот как, – сказал я, – похоже, что я обладаю преимуществом. У меня нет жены, которая бы отвлекала меня.

Он быстро подхватил мои слова.

– Мне кажется, у тебя нет ничего, что делает жизнь достойной. У тебя нет ни жены, ни детей, ни богатства, ни поваров, ни свиты, ни платьев, ни всего остального, что соответствует твоему положению. Вы уж простите меня, старый товарищ, но в некоторых вопросах ты просто чудовищно невежественен. Например, ты не знаешь, как обедают. Каждый день изнурительного плавания я обещал себе, сидя перед скудной морской пищей, что в скором времени воздержание будет с лихвой компенсировано приветственным пиром Девкалиона. О, говорю тебе, этот пир был одним из самых ярких зрелищ, которые когда-либо представляли перед моими глазами. А когда мы перешли к реальности, что это было? Да ведь деревенский крестьянин каждый день садится за стол с более изысканными блюдами. Ты рассказал мне,

как это было приготовлено. Что ж, ваш дикарь из Европы может быть пылким и, возможно, верным, но он – одержимый дьяволом повар. Боги! В походе я жил лучше.

– Я знаю, что здесь колония, без всяких утонченных домашних традиций; но если в ближайшие дни лесные олени, рыба из ручья и другие ресурсы этого места не будут использоваться лучше, чем раньше, я сочту своим долгом как правитель поджарить живьем в жире некоторых из кухонного персонала, чтобы стимулировать лучшее приготовление еды. Боги! Девкалион, неужели ты забыл, что значит иметь вкус? И у тебя нет уважения к собственному достоинству? Взгляни на свою одежду. Ты одет, как пастух, и у тебя нет ни одного драгоценного камня, который мог бы украсить тебя.

– Я ем, – холодно ответил я, – когда мне велит голод, и ношу на себе один халат, пока он не износится и не потребует замены. Грубость чрезмерных банкетов и женоподобность многих нарядов – это достижения, которые мне никогда не нравились. Но я думаю, что мы долго говорили, и, кажется, мало шансов прийти к согласию. Вы изменились, Татхо, с годами, и, возможно, я тоже изменилась. Эти изменения незаметно проникают в душу человека с течением времени. Давайте расстанемся сейчас, и, забыв о нынешних разногласиях, будем помнить только нашу дружбу двадцатилетней давности. Для меня, по крайней мере, она всегда имела приятный привкус при воспоминании.

Татхо склонил голову.

– Да будет так, – сказал он.

– И все же я хотел бы рассчитывать на твою щедрость ради этого корабля. Рассвет уже не за горами, и неприлично, чтобы человек, который правил здесь так долго, ходил при свете дня по улицам на следующее утро после своей отставки.

– Да будет так, – сказал Татхо. – Ты получишь мой убогий флот. Я мог бы пожелать, чтобы ты попросил меня о чем-то большем.

– Не флот, Татхо, – один маленький корабль. Поверь мне, большее число будет потрачено впустую.

– А теперь, – сказал Татхо, – я буду вести себя как тиран. Я сейчас здесь вице-король и буду действовать по своему усмотрению. Ты можешь уйти без всякого имущества – в этом отношении ничего не могу поделать. Но отбыть в Атлантиду без сопровождения ты не сможешь.

И вот, в итоге, поскольку выбор был за мной, я все-таки отправился на "Медведе", личном корабле Татхо, со всем остальным его флотом, плывущим в эскорте.

Но переход начался не сразу. Корабли стояли пришвартованными к каменным причалам внутренней гавани, начисто лишённые запасов, с измотанными экипажами, и было бы самоубийством заставлять их выходить в море.

Так что обходительность была соблюдена – корабль, на котором я находился, пристал ко входу в гавань и бросил там якорь в волнах фарватера; и тотчас же он и его сотоварищи набрали на берегу древесины и воды, вяленого мяса и рыбы

и обновили все, что нужно, со всей возможной скоростью.

Для меня самого тогда, впервые за двадцать напряженных лет, наступила передышка от работы. У меня больше не было никаких связей со страной, где я трудился; более того, официально я ее уже покинул. Вникать в дела корабля было запрещено, так как все морские дела были исключительной собственностью Гильдии мореплавателей, закрепленной за ними королевским патентом и охраняемой самым тщательным образом.

Так что в моём распоряжении оставалось несколько часов, чтобы поглазеть (если захочу) на набережные, гавани, дворцы и пирамиды великолепного города, который я видел, как камень за камнем вырастал из фундаментов; или побродить взглядом по пастбищам и хлебным угольям за стенами и с тоской посмотреть на густые леса позади, из которых поле за полем мы так утомительно вырывали нашу территорию.

Продолжит ли Татхо так хорошо начатую работу? Я верил в это, даже несмотря на его эгоистичные слова. И в любое время, при сиянии нашего Владыки Солнца или под звездами ночи, я мог свободно заниматься изучением высших тайн, на которые мы, члены клана жрецов, обучены настраивать свой ум без помощи книг или инструментов, изображений или храмов.

Оснащение флота проходило быстро. Говорят, что никогда еще корабли не ремонтировались, не конопатились и не переоборудовались с большей скоростью для плавания за

океан. И действительно, прошло едва ли больше месяца с того дня, когда они зашли в гавань, вышли за стены и начали свое плавание на восток через холмы и долины океана.

Гребцов-рабов из Европы для такого долгого морского перехода сейчас не берут из-за трудностей с их пропитанием, поскольку современная гуманность запрещает позволять им есть друг друга в соответствии с обычаями своего континента, одни только паруса являются лишь неважным подспорьем. Но современная наука показала, как извлекать силу из Солнца, когда оно свободно от облаков, и это (способом, хранимым в тайне мореплавателями) заставляет вытягивать морскую воду в передней части судна и выбрасывать ее с такой силой на корме, что корабль ощутимо продвигается вперед, даже при неблагоприятном ветре.

В другом вопросе навигация также значительно улучшилась. Теперь не нужно, как раньше, полностью полагаться на звездную ночь (когда не видно земли), чтобы найти направление. Была сделана маленькая фигурка, которая балансирует в носовой части каждого судна, с вытянутой рукой, постоянно указывая направление, где на небе находится Южный Крест. Таким образом, задавая угол, можно правильно проложить курс. У них есть и другие инструменты для определения верного положения на океанских просторах, ведь современный мореплаватель, находясь в море, мало доверяет богам и полагается на свой ум и сообразительность.

И все же забавно наблюдать, как даже в наши дни эти про-

ворные парни в последний раз прощаются с портовым городом. Корабль погружен, все готово к выходу в море, они моются и надевают все свои бравые одеяния. Они сходят на берег, их лица озарены благочестием, и ищут какой-нибудь малоизвестный храм, чей Бог мало пришелся по вкусу жителям побережья, и здесь они с шумом и пышными возлияниями приносят жертву. И, наконец, следует пир в честь бога, и они возвращаются на борт, и выходят в море по большей части пьяные, и все навеселе и отяжелевшие от обжорства и прочих излишеств.

Это плавание сильно отличалось от моих предыдущих морских походов. Здесь не было робкого проползания вдоль берегов. Мы шли прямо через открытый морской залив по направлению к дому, подходили к полосе Карибских островов и уверенно шли через них, как будто они были указателями, обозначающими морскую дорогу, и останавливались только дважды, чтобы пополнить запасы мяса, воды и фруктов. Эти товары дикари тоже приносили нам охотно, настолько велико было их повиновение, и ни в одном месте у нас не было даже видимости ссоры. Это было прекрасным свидетельством растущей мощи Атлантиды и ее лучшей морской колонии.

Затем мы смело двинулись в путь по бескрайнему океану, ни разу не принеся жертву, чтобы умолить богов помочь нашему продвижению. Можно было бы порицать этих суровых мореплавателей за их нечестивость, но нельзя было не вос-

хищаться их неутомимым мастерством и уверенностью.

Опасности пустынного моря распределяются по воле богов, и человеку остается только принимать их по мере их поступления. Мы сталкивались со штормами, и мореплаватели боролись с ними с упорной стойкостью; дважды пылающий камень с небес с шипением падал в море рядом с нами, не причинив вреда ни одному из наших кораблей; и, что было неизбежно, огромные морские звери охотились на нас с присущей им свирепостью. Но только один раз мы понесли материальный ущерб от этих тварей, и это было тогда, когда три больших морских ящера напали на "Медведя", корабль, на котором я путешествовал, одновременно.

Время их появления пришлось на палящий полуденный зной, и Солнце было в полной своей мощи, наши машины получали от него максимальную энергию. Судно двигалось вперед быстрее, чем может идти человек на суше. Если бы не сила, с помощью которой оно летело вперед, оно стояло бы на месте, когда его заметили звери. Их было трое, как я уже сказал, и мы видели, как они появились над изгибом горизонта, взбивая море в пену своими лапами и размахивая своими огромными шеями, как мачтами, во время плавания. Наш флот был растянут в длинную линию кораблей, и в старые времена каждый из зверей выбрал бы себе отдельную добычу и отправился за ней; но, как и человек, эти звери научились необходимости воевать, и теперь они охотятся стаей и не разделяют свои силы.

Было ясно, что они направляются к нашему кораблю, и Тоб, капитан, велел мне идти в дальнюю часть судна и там обезопасить себя от их нападения. Он был ответственен перед лордом Татхо, сказал он, за мое безопасное передвижение; несомненно, звери задумают захватить кого-нибудь из корабельной команды, прежде чем насытятся; и если это случится с лордом Девкалионом, ему (капитану) тогда придется добровольно отдать себя зверям, чтобы избежать мучительной смерти от рук Татхо впоследствии.

Однако я был настроен решительно. Человек никогда не может получить слишком много опыта в борьбе с врагами, будь то люди или звери, а нападение этих существ было для меня в новинку, и я желал узнать его метод. Поэтому я передал капитану письмо к Татхо, в котором рассказал, как обстоят дела (за что, надо сказать, этот суровый парень был мне весьма признателен), и остался сидеть в своем кресле под тентом.

Звери набросились на нас, разинув пасти, и все корабельщики встали на защиту. Они подошли к нам вплотную: две самки (поменьше) – с одного фланга судна, гигантский самец – в одиночку с другого. Их огромные головы вздымались так высоко, что достигали верхушек парусов, а от их зловония возникала физическая тошнота.

Корабельщики встретили чудовищ с непоколебимым мужеством. Стрелы были бесполезны против гладкой, похожей на бычью шкуру кожи. Даже метательный огонь не мог их

опалить, ничто, кроме двадцати ударов топора, нанесенных по голове нападающего монстра, не могло отбросить его назад, да и те были успешны лишь благодаря огромной массе металла и не наносили даже царапины.

Во все времена звери оспаривали у человека господство на земле, и только в Атлантиде, Египте и Юкатане человек осмелился взять себя в руки и сразиться с ними разумом, укрепленным многими предыдущими победами. В Европе и средней Африке огромные звери держат полное господство, а человек признает свою ничтожную численность и силу, и живет в земных норах и на вершинах деревьев, как признавался один из беженцев. А на великих океанах звери – полновластные властелины, не знающие границ.

И все же здесь, на этом пустынном море, хотя гигантские ящеры были для меня в новинку, мне было приятно сопоставить свои знания о войне с их грубой силой и отвагой. С тех пор как первые люди начали вести свои дела в больших водах, они следовали своим инстинктам, отчаянно сражаясь с чудовищами. Трусливо прятаться в трюме было бесполезно, потому что если враги не могли найти людей на палубе, чтобы их проглотить, они разбивали корабль с помощью своих конечностей, и все погибали. Поэтому было решено, что бой должен вестись настолько отчаянно, насколько это возможно, и что он может закончиться только тогда, когда звери получат свою добычу и уйдут довольные.

Вот в таком одностороннем конфликте я и оказался, и

снова почувствовал радость от того, что мои руки в действии. Но после того как мой топор нанес несколько дюжин сильных ударов, которые, учитывая степень их повреждения, могли бы быть нанесены по городской стене или даже по самому ковчегу Тайн, я пошарил вокруг себя, пока не нашел копьё, и с его помощью сыграл совсем по-другому.

Глаза у этих ящериц маленькие и расположены глубоко в костяной впадине, но я счел их уязвимыми, и атаковал именно глаза зверя. Палуба была скользкой от их отвратительной слизи. Команда металась в битве и, кроме того, постоянно выступала предо мной в качестве вала из-за угроз капитана Тоба. Но я сделал несколько резких выпадов копьём, чтобы показать, что я не желаю, чтобы моя воля была подавлена, и вскоре получил пространство для маневра.

Я намеренно оказался в поле зрения одной из ящериц и предложил свое тело для атаки. Вызов был принят. Она налетела, как падающий камень, а я увернулся и вогнал копьё в ее маслянистый глаз.

Я возблагодарил богов за то, что меня обучали владению копьём, пока прицеливание не стало для меня делом инстинкта. Лезвие попало точно в цель и застряло там, а древко сломалось у меня в руке. Чудовище отплыло, ослепленное и ревущее, и било по морю ластами. В огромном пенистом потоке я увидел, как оно изогнуло свою длинную шею и ткнулось головой (с копьём) в спину, претерпевая тем самым новые мучения, но не вырвав оружия. А затем, обнаружив, что

это бесполезно, она с необычайной быстротой направилась туда, откуда пришла, и быстро уменьшалась на фоне горизонта.

Самец и другая самка ящерицы также покинули нас, но не в таком бедственном положении. Тоб, капитан, видя мою решимость идти на риск, нарочно засунул в пасть каждой из них по корабельщику, чтобы они насытились и ушли. Было ясно, что Тоб очень опасался за свою шкуру, если я попаду в беду, и я с теплом в сердце подумал об угрозах, которые Татхо, должно быть, использовал в своей заботе о моей безопасности. Приятно, когда старые друзья не обходят вниманием такие мелочи.

Глава 3. Вражеский флот

Итак, когда мы подошли к берегам Атлантиды, хотя Тоб с помощью современных приборов совершил выход к ним с удивительной ловкостью и точностью, оставалось еще около десяти дней пути, в течение которых мы должны были проложить обратный курс, пока не пришли к тому морскому заливу, на берегу которого находится столица Атлантиды.

Вид этой земли и дыхание земли и травы, которое доносилось от нее с бризом, были, я полагаю, по воле богов, средством спасения жизни всех нас. Ибо, как это бывает при длительных плаваниях через океан, многие из нашей корабельной команды умерли, и еще большее число заболело цингой из-за слишком сильной качки или (как считают некоторые) из-за соленой, неправильной пищи, присущей кораблям. Но этих последних вид и запахи земли необычайно взбодрили, и из беспомощных бревен, неспособных двигаться даже под ударами бича, они снова стали активными, способными помогать в работе на корабле и с жадной (когда пришло время) сражаться за свою жизнь и за свои корабли.

С того момента, как я был низложен на Юкатане, несмотря на заверения Татхо, у меня в голове были сомнения относительно того, какого характера будет мой прием в Атлантиде. Но я отнесся к этому событию будущего без тревоги: все было в руках богов. Императрица Форенис могла быть

верховной на земле; она могла сделать так, чтобы моя голова была снесена с плеч в тот момент, когда я ступлю на берег; но мой Господин Солнце был выше Форенис, и если моя голова упадет, то только потому, что Он решил, что так будет лучше. Поэтому во время плавания я не беспокоился по этому поводу, а продолжал спокойно изучать высшие тайны с ненапряженным умом.

Но когда наш флот проделал значительный путь и подошел к двум огромным мысам, обозначающим вход во внутренние воды, там, всего в двух днях пути от столицы Атлантиды, мы встретили другой флот, который, без сомнения, ждал нашего прибытия. Корабли стояли на якоре в бухте, которая давала им укрытие, но у них были разведчики на возвышенности, которые предупредили о нашем приближении, и когда мы обогнули мыс, они стояли наготове, чтобы преградить нам путь.

Сейчас у нас было только пять кораблей, остальные погибли во время шторма или отстали, потому что все их экипажи умерли от цинги, а у чужеземцев было три прекрасных корабля и три галеры со множеством весел на каждой. Они были чистенькими, блестящими и черными, наши же корабли были потрепаны штормом и измочалены непогодой, а днища их поросли океанской травой. Наши корабли вывесили цвета и знаки Татхо и Девкалиона открыто и без тени смущения, чтобы все, кто смотрит, могли знать их происхождение и предназначение, но другой флот шел без знамен и знаков,

как будто это были какие-то ничтожные существа, испытывающие стыд за свое происхождение.

Ясно также, что они не пропустят нас без боя, и в этом не было ничего необычного; ведь на морях не действуют законы, и брат на одном корабле чувствует себя вполне вправе преследовать своего брата на другом судне, если встретит его вдали от берега, особенно если тот брат возвращается домой с грузом из набега или торгового похода. Итак, Тоб с помощью системы и методов привел наше судно в боевое состояние, а остальные четыре капитана сделали то же самое со своими и приблизились к нам, образовав плотный строй эскадры. У них не было желания вдыхать запах рабства, раз уж плавание подошло к концу.

Господь наш Солнце сияло, давая полную скорость кораблям, словно желая, чтобы дело продолжилось, и два флота быстро приблизились друг к другу, три галеры держались позади, не отставая от своих товарищей. Но когда нас разделяло около сотни футов, другой флот остановился, а одна из галер, шедшая впереди, спустила с мачт зеленые ветви, ища перемирия.

Ход был необычным, но мы, в нашем избитом море состоянии, не были флотом, чтобы без нужды затевать драку. Поэтому хриплыми морскими криками было передано приветствие, и мы тоже остановились, а Тоб поднял засохшую палку (которая должна была выполнять функцию зеленых веток), чтобы показать, что мы готовы к разговору и будем

уважать посланника.

Галера приблизилась, развернулась и пошла задним ходом, пока ее корма не уперлась в поручень нашего борта, и один из ее людей взобрался на палубу и спрыгнул вниз. Это был щеголеватый парень, молодой и буйный, пышущий здоровьем от сухопутной еды, и он оглядел нас с усмешкой по поводу нашей морской ловкости и с изрядной самоуверенностью. Затем, увидев Тоба, он кивнул, как при встрече со знакомым.

– Старина, – сказал он, – твоя женщина ждет тебя на набережной в Атлантиде, вон там, с четырьмя молодыми людьми за спиной. Я видел ее не далее как полмесяца назад.

– Ты пришел сюда не для того, чтобы сообщить мне новости о семье, – сказал Тоб, – в этом я готов поклясться. Я выпил с тобой достаточно, Дейсон, чтобы хорошо знать, насколько ты любезен.

– Я хотел сказать тебе, что твой дом по-прежнему на месте, и твоя жена и дети готовы принять тебя.

– Я не из тех, кто забывает об этом, – мрачно ответил Тоб, – и потому, что я всегда держу их в уме, я не раз ходил на этом корабле против пиратов, когда, если бы я был одиночкой, я мог бы довольствоваться рабством.

– О, я знаю, что ты достаточно отчаянный парень, – сказал Дейсон, – и могу признаться, что если дело дойдет до драки, мы потеряем пару человек, прежде чем доставим тебя и твоих калек к себе, а твои сумасбродные корабли с успе-

хом потопим. Наш флот должен выполнять свои приказы, и причина моего прибытия такова: мы хотим узнать, поступите ли вы разумно и дадите ли нам то, что мы хотим, и таким образом вам будет позволено продолжить свой путь домой с неподрезанной и не смоченной кровью кожей?

– Вы пришли не к той птице, чтобы ощипать ее, – сказал Тоб с тяжелым смехом. – Мы не взяли на борт ни сокровищ, ни товаров в Юкатане. Мы простояли в гавани ровно столько, чтобы излечиться от морской болезни и пополнить запасы еды и воды, и не больше. Мы вернулись назад, как и уплыли, пустыми кораблями. Вы мне, конечно, не поверите; да и я бы вам не поверил, если бы мы поменялись местами, но вы можете зайти в трюмы и поискать, если хотите. Вы не найдете там ничего, кроме нескольких бедных матросов, полуразложившихся от цинги. Нет, ты не сможешь украсть здесь ничего, кроме удара, Дейсон, и мы дадим тебе его, даже не задавая лишних вопросов.

– Я рад видеть, что вы указываете столь малую стоимость вашего груза, – сказал посланник, – ибо именно этот груз я должен взять с собой на галеру, если вы хотите заслужить безопасный путь домой.

Тоб ссутулил брови.

– Тебе лучше говорить яснее, – сказал он. – Я обычный моряк и не понимаю вычурных речей.

– Ясно, – сказал Дейсон, – что тебе поручено вернуть Девкалиона в Атлантиду в качестве опоры Форенис. Ну, а мы,

остальные, считаем, что против Форенис и без подкрепления достаточно трудно бороться, и поэтому мы хотим, чтобы Девкалион находился под нашей опекой, чтобы мы сами с ним разобрались.

– А если я поступлю как скряга и откажу вам в этой части моего груза?

Посланец оглядел разбитый в клочья корабль и потрепанный флот рядом с ним.

– Тогда, Тоб, мы отправим вас всех к рыбам в самое ближайшее время, и вместо того, чтобы Девкалион стоял перед богами в одиночестве, он пойдет ко дну с прекрасной потрепанной компанией, хромающей по его пятам.

– Я сомневаюсь в этом, – сказал Тоб, – но посмотрим. Что касается того, чтобы позволить тебе забрать моего лорда Девкалиона, то об этом не может быть и речи. Во первых, если я отправлюсь в Атлантиду без Девкалиона, мой другой повелитель, Татхо, вернется в один из этих дней, и в его руках я помру самой медленной из медленных смертей; Во вторых, я видел, как мой господин Девкалион убил огромного морского ящера, и он показал себя в тот день таким достойным человеком, что я не отдам его против его воли даже самому Татхо; и в-третьих, ты должен мне за свою долю в нашей последней выпивке на берегу, и я увижу тебя у низших богов, прежде чем дам тебе что-нибудь, пока ты не рассчитаешься по этому счету.

– Ну, Тоб, надеюсь, ты утонешь без проблем. Что касается

твоей жены, то она мне всегда нравилась, и я знаю, как найти ей применение.

– Я тебе за это шею сверну, сукин сын, – сказал Тоб, – и если ты не уберешься с этой палубы, я сверну ее прямо здесь.

– Уходи, – крикнул он, – ты, отец обезьяньих отпрысков! Убирайся, и дай мне сразиться с тобой по-честному, или, клянусь честью, я выбью из тебя внутренности и заставлю твою тупую команду носить их как ожерелья.

После этого Дейсон отправился на свою галеру.

Тоб быстро запустил машину на нашем "Медведе" и стал раздавать приказы направо и налево другим кораблям. Экипаж, может быть, и ослаб от цинги, но они охотно повиновались. Мгновенно все пять судов были приведены в движение, и, поскольку Солнце светило ярко, они быстро набрали полный ход. Весь наш небольшой флот сошелся, выделив одно судно противника, и оно, не будучи готовым к столь стремительной атаке, дрогнуло и попыталось повернуть и убежать в сторону, вместо того чтобы встретить нас носом. В результате все наши пять кораблей вместе ударили в борт, разрывая обшивку своими подводными таранами, и потопили судно, прежде чем мы успели убраться подальше от места столкновения.

Но если мы таким образом свели число вражеских кораблей к пяти и сравнивали их с нашим, преимущество недолго оставалось за нами. Три проворные галеры выстроились в линию: кнуты их боцманов трещали, когда рабы нагибались

к веслам, и вскоре один из наших кораблей был вспорот и потоплен, а люди на нем погибали в воде без надежды на спасение.

А затем началась жестокая рукопашная схватка, которая согрела бы сердце величайшего из живущих воинов. Корабли и галеры сцепились друг с другом и лежали на вздыбленных волнах, словно разумные животные. Люди на их борту пускали стрелы, рубили топорами, кололи и кромсали мечами, бросали метательный огонь. Но во всех отношениях бой сходил на "Медведице". Именно на нее враг направил самую яростную свою злобу; именно к "Медведю" устремились остальные команды флота Татхо, когда их собственные суда загорелись, были потоплены или захвачены.

Битва – старая знакомая для нас, членов Клана Жрецов, и для тех из нас, кому пришлось отвоевывать территории для новых колоний, она случается достаточно часто, чтобы разбудить даже самый богатырский аппетит. Поэтому я могу говорить как человек с опытом. До этого момента, на протяжении половины жизни, я слышал, как мужчины выкрикивали "Девкалион" в качестве боевого клича, и на своем веку видел несколько бурных схваток. Но этот морской бой удивил даже меня своей дикой свирепостью. Мрачная, изменчивая стихия, окружавшая нас, качающиеся палубы, на которых мы сражались, метательный огонь, сжигавший своим ужасным пламенем и плоть, и дерево, огромные прожорливые птицы-людоеды, висевшие в небе над головой, рыбы-лю-

доеды, поднимавшиеся из окружающего моря, пожиравшие и бившиеся за тех, кто падал в воду, — все это составляло условия, способные устроить самых храбрых воинов, когда-либо собранных в армию.

Но эти стойкие корабельщики встретили все это с неспасаемым мужеством и ни разу не дрогнули. Жизнь на морях так тяжела и (если судить по зверям, которые обитают в великих водах) так полна страшных опасностей, что смерть потеряла для них добрую часть своего ужаса из-за простой привычки. Они были парнями, которые из чистой жажды схватки дрались до конца между собой в тавернах на берегу; так и здесь, в этом отчаянном морском бою, страсть к убийству пылала в них, как огненный камень с небес бушует в лесу, и даже свои смертельные раны они принимали со смехом.

С нашей стороны боевой клич был "Тоб!", и имя этого малоизвестного капитана корабля, казалось, несло в себе такую уверенность для наших экипажей, которой мог бы позавидовать многие известные командиры. У врага была дюжина призывных криков, и они сбивали их с толку. Но поскольку другие командиры кораблей один за другим погибали, а Дейсон оставался, активно действуя, "Дейсон!" стал криком, который раздавался в ответ на наше "Тоб!"

Однако я не буду загружать свою книгу дальнейшим длинным рассказом об этой малоизвестной морской схватке, единственной достопримечательностью которой была ее жестокость. Один за другим все корабли с обеих сторон были

потоплены или погибли со всеми своими людьми, пока, наконец, не остались только галера Дейсона и наш "Медведь". На данный момент ситуация складывалась таким образом, что над нами одержали верх. У нас оставалось несколько человек из всех, кто был в составе флота, когда он отплыл из Юкатана, а враг взял нас на abordаж и сделал палубы "Медведя" полем боя. Но они были слишком заняты метательным огнем, и вскоре, когда мы с яростью набросились друг на друга, дым и пламя от самого прочного судна дали нам ясно понять, что его уже не спасти.

Но Тоб не унывал.

– Пусть они остаются здесь и жарятся, если хотят, – крикнул он со своим громогласным смехом, – но для нас теперь вполне достаточно галеры. Охраняйте Девкалиона и идемте со мной, товарищи!

– Тоб! – закричали наши товарищи в упоении боевого безумия, и я тоже не мог удержаться, чтобы не крикнуть "Тоб!" в качестве своего боевого клича.

Для меня изменилось то, что я не был лидером, но зато было роскошью хоть раз сражаться рядом с этим Тобом, несмотря на его непристойную внешность и намерения. Новый натиск было не остановить, хотя продвижение все еще было медленным. Тоб своим окровавленным топором прорубал дорогу впереди, а мы, остальные, с жадой битвы, наполнявшей нас до подбородка, неистовствовали, как фурии, следуя за ним. Боги! Какая это была битва!

Десять из нас добрались до галеры, и пламя и дым от несчастного "Медведя" хлестали нам по пяткам. Мы разворачивались и наносили бешеные удары по всем, кто пытался следовать за нами, и рубили захваты, удерживавшие суда в их объятиях. Морские волны оттолкнули "Медведя".

Рабы, прикованные к скамьям на гребных галерах, не проявляли интереса ни в одну, ни в другую сторону и смотрели на состязание с тоскливым беспокойством, разве что когда какой-нибудь шальной снаряд находил себе место среди них. Но горстка бойцов отчаянно карабкалась на борт галеры вслед за нами, предпочитая любую другую участь огненной смерти на "Медведе", и с ними надо было быстро разобраться. Трех, в которых еще не угас боевой пыл, пришлось убить, чтобы не мешали; пятерых, бросивших оружие в море, приковали к веслам вместо погибших рабов; и только Дейсону была уготована своя судьба.

Битва в нем угасла, он вскинул руки к морю и угрюмо стоял, готовый к тому, что может случиться, и тут к нему подошел Тоб с ликующим лицом.

– Хо, приятель Дейсон, – крикнул он, – час назад ты много болтал о моей жене, которая живет вместе с моими детьми на набережной в Атлантиде, вон там. Теперь я предлагаю тебе приятный выбор – либо я отведу тебя домой и расскажу ей о том, что ты сказал перед всей корабельной командой (которая по большей части уже мертва, бедняги!), и оставляю ее, чтобы она сделала с твоей тушей все, что сочтет нужным,

в качестве платы; либо, как другой вариант, я сам разберусь с тобой прямо здесь.

– Я благодарю тебя за этот шанс, – сказал Дейсон, опустился на колени и подставил свою шею под топор.

Тоб отрубил ему голову и прикрепил ее к крюку галеры в знак того, что он сделал. Тело он бросил за борт, и одна из больших птиц-людоедов, что парили неподалеку, подхватила его и улетела с ним в свое гнездо среди скал. И вот мы были на свободе, могли подкрепиться фруктами и свежим мясом, которые предложили на галере, в то время как рабы-гребцы направили галеру по направлению к столице.

В заднем отсеке был винный погреб, и я наполнил рог и вылил немного к ногам Тоба в знак приветствия.

– Мой друг, – сказал я, – ты продемонстрировал мне хорошую битву.

– Спасибо, – сказал он, – и я знал, что вы знаток. Бой был хорош, пока длился, и, учитывая, что мои парни в большинстве своем страдали от цинги, я скажу, что они сражались достойно. Я потерял флот милорда Татхо, но думаю, Форенис исправит положение. Если те, кто против нее, потратили столько сил, чтобы убить милорда Девкалиона, прежде чем он смог прийти ей на помощь, то я могу предположить, что она не поскупится на радости, когда я поставлю Девкалиона в целости и сохранности, пусть и немного помятого и забрызганного кровью, на причал.

– Боги знают, – сказал я, ибо я никогда не имею обыкно-

вения обсуждать политику с нижестоящими, даже если этикет на мгновение ослаблен, как это было тогда под влиянием битвы. – Боги решат, что лучше для тебя, Тоб, так же, как они решили, что мне лучше отправиться в Атлантиду.

Моряк держал в руке рог, наполненный вином из винного меха, и, как мне кажется, хотел возлить напиток к моим ногам, так же как и я к его. Но он передумал и вместо этого опорожнил его в глотку.

– Эта битва вызывает жажду, – сказал он, – и этот напиток очень полезен.

Я положил руку на его перемазанную кровью руку.

– Тоб, – сказал я, – приду ли я снова к власти или завтра отправлюсь в тюрьму – это зависит только от богов, но послушай, что я тебе скажу: если мне представится возможность выразить свою благодарность, я не забуду, как ты служил мне в этом плавании и как ты сражался сегодня.

Тоб наполнил еще один пузатый рог и выплеснул его к моим ногам.

– Это достаточная гарантия для меня, – сказал он, – что моя женщина и дети никогда не будут нуждаться с этого дня. Воистину, владыка Девкалион не для плахи!

Глава 4. Прием Форенис

Теперь я могу сказать со всей правдивостью, что до тех пор, пока соперничающий флот не встретил нас в устье залива, я мало думал о своей значимости как о наймите для императрицы. Но то, что эти корабли поджидали нас, и дикая жестокость, с которой они сражались, дабы я оказался в их руках, были предзнаменованиями, которые не смог бы не прочесть и слепой. Было ясно, что я должен сыграть важную роль в судьбе государства.

Но если за нашим приходом следили враги, то, похоже, что и Форенис располагала своими разведчиками; они увидели нас с гор и принесли весть в столицу. Морской рукав, у истоков которого стоит огромный город Атлантида, сильно варьируется по ширине. В тех местах, где горы закипели и отправили свое текучее содержимое вниз, образовав внизу твердый камень, русло едва достигает ширины реки, а дальше, на протяжении следующего полудневого плавания, оно расширяется, превращаясь в озеро, берега которого едва видны. Кроме того, русло его извилисто, и гонец, знающий дорогу через равнины, болота и между дымящимися холмами, что лежат вдоль берега, и не попавший под огненные потоки, или воду, или бродячих зверей, мог доставить новости по суше от морского побережья до столицы гораздо быстрее, чем даже самые проворные галеры могли бы переправить их

по воде.

Конечно, существовал большой риск, что одинокий путешественник не сможет благополучно добраться по суше, если ему придется пожертвовать всеми предосторожностями ради скорости. Но Форенис не скупилась на гонцов. Она послала отряд из двадцати человек на мыс, с которого открывается вид на вход в пролив; они отправились с вестями, каждый по своему маршруту, и это многое говорит об их скорости и ловкости, поскольку не менее семи из этих проворных парней прошли с вестями без потерь, а из остальных, как говорят, выжило только трое.

Но об этом мы тогда ничего не могли знать, и шли дальше, полагая, что наше появление осталось незамеченным. Рабы на борту галеры были по большей части дикарями из Европы, и запах от них был настолько неприятен, что плавание потеряло всякую приятность, кроме того, ветер нес с собой бесконечное количество мелкого песка с какой-то извергающейся огненной горы, и мы стремились по возможности не задерживаться. Кроме того, если можно в этом признаться, не будучи чрезмерно униженным, несмотря на то, что благодаря своему священническому образованию я был научен стоицизму и знал, что все будущее находится в руках богов, я все же, по человеческим меркам, испытывал огромное любопытство относительно того, какова будет процедура моего собственного приема в Атлантиде. Я мог представить, как меня возьмут в плен при высадке на берег, и я предстану пе-

ред официальным судом, чтобы ответить за свое обращение с колонией Юкатана; я мог представить, как я сойду на берег неизвестным и незамеченным, и после положенного времени буду отправлен императрицей, чтобы приступить к новым обязанностям; но как меня примут на самом деле — об этом я даже не догадывался.

Однажды утром, на рассвете, мы подошли к вершине священной горы с отблесками вечных огней, стоящей за городом, и кнуты боцманов защелкали сильнее, чтобы эти агрессивные рабы придали галере последний рывок. Ветер был неблагоприятный, и парус нельзя было поставить, но и на одних веслах мы шли довольно резво, а бока священной горы становились все длиннее, и вскоре вершины пирамид в городе, башни высоких зданий, стали видны, словно плыли по сверкающей воде. Прошло двадцать лет с тех пор, как я в последний раз видел Атлантиду, и мое сердце затрепетало при мысли о том, что я снова ступлю на ее брусчатку.

Великолепный город вырос из моря по мере нашего приближения, и с каждым взмахом весел берега становились все ближе. Я увидел храм, где меня впервые посвятили в мужчины, я увидел пирамиду, в сердце которой меня посвятили в малые тайны, затем (по мере того, как становились различимы более мелкие предметы) я различил дом, где отец и мать растили меня, и мои глаза затуманились от воспоминаний.

Мы остановились за белыми стенами гавани, как и пола-

гается по закону, и рабы тихо пыхтели и всхрапывали над веслами. Для судов, стоящих в таком месте, как правило, предостаточно времени для ожидания, ведь капитан порта, как правило, настолько не уверен в собственном достоинстве, что ему приходится заставлять людей ждать, чтобы доказать им это. Но в нашем случае, похоже, нас ожидала лодка капитана порта. С двух башен у входа в гавань прозвучал сигнал, цепь, висевшая между ними, была спущена, и из-за стен выскочила десятивесельная лодка с такой скоростью, какую только могли дать весла. Она подплыла к берегу, и тут же раздалась вопросы:

– Это, должно быть, галера Дейсона?

– Так и есть, – ответил Тоб.

– О, я вижу голову самого Дейсона на вашем бакштаге, – сказал капитан порта. – Вы были капитаном у Татхо?

– И все еще являюсь таковым. Флот Татхо был отправлен Дейсоном и его друзьями на морское дно, и мы воспользовались этой вонючей галерой, чтобы закончить плавание, поскольку она была единственным судном, оставшимся на плаву.

Капитан порта окинул взглядом нашу команду, стоявшую на верхней палубе.

– Я боюсь, капитан, что вас ждет весьма неприятный прием. Я не вижу милорда Девкалиона. Или он прибыл с каким-то другим флотом? О боги, капитан, если вы позволили убить его под вашим началом, императрица будет медленно

сдирать с вас кожу.

– Если учесть, что Форенис и Татхо так заботятся о его благополучии, – сказал Тоб, – милорд Девкалион представляется опасным пассажиром. Но в этом плавании я не упустил свою шкуру.

Он ткнул в мою сторону большим пальцем.

– Он здесь, чтобы самому замолвить за меня словечко.

Капитан порта на мгновение уставился на меня, как бы не поверив, а затем, словно удовлетворившись, поклонился, как человек, привыкший к церемониям.

– Надеюсь, милорд в своем безграничном могуществе простит мне грех, что я не узнал его раньше по его благородному виду. Но, по правде говоря, я ожидал увидеть милорда в более подходящем наряде.

– Чепуха, – сказал я, – если я решил одеваться по-простому, я не могу противиться тому, чтобы меня принимали за простого человека. Мне не доставляет удовольствия афишировать свои достоинства с помощью изысков в одежде. Если вы считаете, что мне причитается возмещение, я прошу вашего милосердия избавить меня от этого дознания.

Он отвесил поклон и изъявил почтение.

– Я самый скромный из слуг моего господина, – сказал он. – Для меня будет большой честью провести галеру милорда к назначенному причалу в гавани.

Корабль рванулся вперед, и наши рабы-галерники снова взмахнули веслами. Тоб наблюдал за мной с сухой улыбкой,

стоя и руководя людьми у штурвала.

– Ну, – сказал я, смирившись с его причудой, – в чем дело?

– Я думаю, – сказал Тоб, – что милорд Девкалион запомнит меня только как очень грубого парня, когда сойдет на берег среди всего этого изысканного общества.

– Ты же не думаешь, – сказал я, – ничего подобного.

– Тогда я должен доказать свою утонченность, – сказал Тоб, – и не противоречить.

Он взял мою руку в свой огромный, твердый кулак и сжал ее.

– Клянусь богами, Девкалион, может быть, ты и великий вождь, но я знаю тебя как мужчину. Ты лучший боец со зверями и людьми, который сегодня ходит по этому миру, и я ценю тебя за это. Тот твой удар копьем по ящеру – это то, о чем будут петь в тавернах.

Мы быстро вошли в гавань, и солдаты у входа в крепость приветственно заиграли в трубы, когда мы проплывали между ними. Капитан порта поднял мое знамя на верхушку мачты своего судна, явно выданного ему для этой цели, и с причалов, через обширный бассейн гавани, до нас вскоре донеслись звуки музыкантов и бледный отблеск приветственных костров, пляшущих под лучами солнца. Я был почти потрясен, подумав, что императрица Атлантиды оказалась в таком бедственном положении, что испытывает подобный интерес к любому вернувшемуся на родину человеку.

Было очевидно, что ничто не будет делаться наполовину.

Шлюпка капитана порта шла впереди, и нам ничего не оставалось, как следовать за ней. Нашу галеру подвели к королевскому причалу и пришвартовали к столбам и золотым кольцам, которые священны для царствующего дома.

– Если бы Дейсон только мог предвидеть такую честь, – сказал Тоб с мрачной насмешкой, – я уверен, что он проложил бы шелковую нить для крепления к кнехтам вместо простой плебейской пеньки. Я уверен, что в эту минуту на лице Дейсона был бы хмурый взгляд, если бы его не испепелило солнце. Милорд Девкалион, не соблаговолите ли вы любезно пройтись по этому простому кораблю и ступить на благородный ковер, который расстелили для вас на набережной вон там?

Капитан порта, услышав грубое подшучивание Тоба, поднял голову и посмотрел на меня с гримасой ужаса, и я с легким вздохом вспомнил, что колониальной свободе нет места в Атлантиде. Я снова должен быть готов ко всем церемониям, приличествующим званию, и соблюдать формальности огромного и роскошного церемониала.

Но как бы то ни было, уважающий себя человек должен сохранять свою индивидуальность, и хотя я согласился войти в павильон из малиновой ткани, специально возведенный для того, чтобы укрыть меня до прибытия императрицы, на этом моя покладистость закончилась. Снова заговорили об одежде. Три великолепно одетых камергера, которые ввели меня в павильон, разложили передо мной наряды, украшен-

ные всякими причудами, и хотели, чтобы я превратился в господина по их собственному образцу.

Разумеется, я отказался поменять свой наряд, и когда один из них, заикаясь, упомянул о вкусах императрицы, я прямо спросил его, получил ли он от ее величества какие-либо определенные распоряжения по этому ничтожному вопросу.

Разумеется, ему пришлось признаться, что таковых не имеется.

На это я ответил, что Форенис приказала Девкалиону, то бишь человеку, присутствовать перед ней, и не сообщила о своем предпочтении относительно его внешнего одеяния.

– Это платье, – сказал я, – вполне соответствует моему образу жизни. Оно защищает мое слабое тело от жары и ветра, и, кроме того, оно чистое. Мне кажется, сэры, – добавил я, – что ваше вмешательство несколько смахивает на дерзость.

Камергеры в один голос выхватили свои мечи и направили эфесы ко мне.

– Это было бы милостью, – сказал их глава, – если бы великий лорд Девкалион отомстил нам сейчас, а не отдал нас на растерзание мучителям в будущем.

– Что ж, – сказал я, – дело забыто. Ты делаешь из малого слишком многое.

Тем не менее, их действия дали мне некоторое представление. Они совершенно серьезно предлагали мне мечи, и я понял, что это не та Атлантида, в которую я вернулся обрат-

но, где человек боялся пыток из-за разницы в покрое нарядов.

В павильоне была ванна, и я с удовольствием искупался в ней, хотя в воду добавили какой-то ничтожный аромат, лишивший ее наполовину освежающей силы; затем я с внешним спокойствием и невозмутимостью принялся ждать. Камеристы были слишком хорошо вышколены, чтобы нарушить мое спокойствие, а я не снисходил до светской беседы. Так мы и остались вчетвером, я сидел, они стояли, а наш господин Солнце сильно палил по алой крыше павильона, в то время как музыка гремела, а приветственные костры распространяли свои запахи с большой мощеной площади, выходящей на набережную.

Говорят, что великие люди всегда должны накапливать достоинство, заставляя тех, кто ниже их по положению, ждать своего удовольствия, хотя сам я должен сказать, что всегда считал эту уловку жалкой и ниже своего достоинства. Похоже, такого мнения придерживалась и сама Форенис, ибо (как она сама мне потом рассказывала) в тот момент, когда сообщили, что галера Тоба уперлась бортом в мрамор царской набережной, именно в этот момент она вышла из дворца. Великолепная процессия была уже выстроена, наряжена и ждала только своего главного украшения, и как только она села на своего коня, трубачи подали сигнал, и началось движение.

Сидя в дверях павильона, я видел, как солдаты, возглав-

лявшие эту огромную толпу, вышли из большой широкой улицы, где она выходила за пределы домов. Они промаршировали прямо через улицу, чтобы отсалютовать мне, а затем расположились на дальней стороне площади. Затем появилась гильдия моряков, потом еще солдаты, все они поочередно демонстрировали свое почтение и проходили дальше, освобождая место для других. Следом шли купцы, кожевники, копыеносцы и все остальные известные гильдии, нарочно одетые (так мне показалось), чтобы устроить представление, и хотя большинство шло пешком, были и те, кто гордо ехал верхом на животных, которых они приручили, чтобы те служили им.

Но вскоре появились два главных чуда всего этого ослепительного зрелища. Из полумрака домов на открытое пространство выплыл не кто иной, как огромный мамонт. Это зрелище стало настолько неожиданным, что я едва не вздрогнул. Много раз за свою жизнь я возглавлял охоту на мамонтов, когда их стадо устраивало набеги на какую-нибудь деревню или кукурузные угодья, находившиеся в моем ведении. Я видел этих огромных зверей на воле, лохматых, ужасных, чудовищных, более свирепых, чем даже пещерный тигр или пещерный медведь, самых опасных зверей из всех, что сражаются с человеком за господство на земле, не считая некоторых крупных ящеров. И вот это существо, гигант даже среди мамонтов, но при этом прирученное, как хорошо выпоротый раб, несло на спине огромный золотой трон,

украшенный серебряными змеями. Его убийственные клыки были позолочены, мохнатая шея украшена цветами, и он шел в процессии так, словно участие в подобных зрелищах было началом и концом его существования. Его умиротворенность казалась подходящим символом властной силы новой властительницы Атлантиды.

Одновременно с мамонтом появилось другое, более великое чудо – хозяйка мамонта, императрица Форенис. Сначала зверь привлек мое внимание своей непомерной громадой, своей сдержанной дикой силой; но дама, восседавшая на золотом троне на его высоченной спине, быстро перехватила мой взгляд и с тех пор держала его неподвижным, бесконечно притягивая к себе.

Я встал на ноги, когда народ закричал при приближении Форенис, и оставался на пороге моего алого павильона, пока ее огромный скакун не остановился в центре площади, а затем я двинулся по мостовой к ней.

– На колени, милорд, – испуганным шепотом сказал один из камергеров, стоявших позади меня.

– По крайней мере, склоните голову, – призывал другой.

Но у меня были свои понятия о том, что в таких делах полагается уважать себя, и я шел по голому открытому пространству с поднятой головой, провожая императрицу взглядом. Она явно оценивала меня. Я откровенно делал то же самое с ней. Боги! Но за эти несколько коротких секунд я увидел такую женщину, о которой даже не мог мечтать.

Я знаю, что ранее в этой книге я уже писал, что в течение всех дней долгой официальной жизни женщины не имели на меня никакого влияния. Но я быстро понял, что они часто оказывают сильное влияние на политику других людей, и поэтому я стал изучать их так же, как и мужчин. Но эта женщина, сидевшая под священными змеями в своем золотом троне на спине мамонта, совершенно меня озадачила. Из ее мыслей я не мог прочесть ни единого слога. Я видел ее тело, легкое, упругое и прекрасно вылепленное; ее фигура была довольно миниатюрной. Ее лицо представляло собой совершеннейшую книгу ума, но она была еще и невероятно красива, с волосами чудесного русого цвета, коротко остриженными по новой моде и собранными в пучок на плечах. А глаза! Боги! Кто может проникнуть в глубину глаз Форенис или найти в них хоть малейший отсвет небесного цвета?

Было очевидно, что она, в свою очередь, изучает меня до самой души, и, похоже, это изучение не было лишено удовольствия. Она слегка кивнула головой, когда я приблизился, и когда я выполнил требуемое поклонение, подобающее моему рангу, она приказала мне голосом, достаточно громким и ясным, чтобы все слышали, никогда больше не класть лоб на землю от ее имени, пока она правит в Атлантиде.

– Другим, – сказала она, – подобает сделать это раз, два или несколько раз, в соответствии с их рангом и положением, ибо я – императрица, а они все намного ниже меня, но ты – Девкалион, мой господин, и хотя до сегодняшнего дня

я знала тебя только по картинкам, нарисованным языками, теперь я увидела тебя и сужу сама. И поэтому я выношу такой указ – Девкалион выше всех других людей в Атлантиде, и если найдется тот, кто не окажет ему повиновения, то этот человек – враг Форенис и почувствует ее гнев.

Она сделала знак, и принесли лестницу, а затем она позвала меня, и я взошел и сел рядом с ней в золотом полукресле под навесом из царственных змей. Девушка, стоявшая позади, обдувала нас обоих благоухающими перьями, и по одному слову Форенис мамонт повернулся и понес нас обратно к царской пирамиде тем путем, по которому он пришел. В то же время все остальные механизмы пышности были приведены в движение. Солдаты и нарядно одетые гражданские торговцы выстроились в процессию впереди и позади, и я заметил, что на каждом из флангов мамонта маршируют хорошо вооруженные войска.

Форенис повернулась ко мне с улыбкой.

– Вы меня заинтересовали, – сказала она, – поначалу.

– Ваше Величество слишком много внимания уделяет мне.

– Вы посмотрели на моего скакуна, прежде чем взглянуть на меня. Женщина с трудом может простить подобный проступок.

– Я завидовал вам в величайших ваших завоеваниях, и завидую до сих пор. Я сам сражался с мамонтами, иногда убивал, но никогда не смел даже подумать о том, чтобы захва-

тить мамонта живьем и приручить его.

– Ты говоришь смело, – сказала она, все еще улыбаясь, – и при этом умеешь делать красивые комплименты. Боже! Девкалион, то, как эти люди ластятся ко мне, вызывает у меня тошноту. Я не из той же глины, что и они, я это понимаю, но только потому, что я дочь богов, они должны кормить меня плодами фальши.

Так Татхо оказался прав, и свинопас был забыт. Что ж, если она решила и дальше придерживаться своих выдумок, не мне ей противоречить. Хорошо это или плохо, но я был ее слугой.

– Я долго тосковала по более крепкому сердцу, чем то, что они могут дать, – продолжала она, – и наконец я послала за тобой. Я приложила немало усилий, чтобы собрать на память твои портреты, Девкалион, и хотя ты меня еще не знаешь, я могу сказать, что знала тебя досконально еще до нашей встречи. Я могу восхищаться мужчиной, у которого достаточно ума, чтобы отказаться от глупых нарядов, излишеств пиров и баловства женщин.

Она опустила взгляд на свои шелка и сверкающие драгоценности.

– Мы, женщины, любим, чтобы на нас были краски, но это совсем другое дело. Поэтому я послала за вами, чтобы вы стали моим министром и несли вместе со мной бремя управления.

– В обширной Атлантиде должны быть люди и получше.

– Их нет, мой господин, и я, знающий их всех вдоль и поперек, скажу вам правду. Все они прельщены моей бедной персоной, они утомляют меня своими пустыми разговорами и просьбами, и, хотя они всегда полны желания служить, их собственное продвижение и наполнение личных сокровищниц всегда стоят у них на первом месте. Поэтому я послал за тобой, Девкалион, единственным сильным человеком во всем мире. Ты хотя бы не будешь вздыхать о том, чтобы стать моим любовником?

Уголком глаза я увидел, что она следит за моим ответом.

– Императрица, – сказал я, – моя госпожа, и я буду ей служить честно. А с женщиной Форенис, вероятно, у меня будет мало дел. Кроме того, я не из тех, кто играет в эту игрушку, которую здесь называют любовью.

– И все же ты довольно приятный человек, – сказала она задумчиво. – Но это еще больше доказывает твою силу, Девкалион. Ты, по крайней мере, не потеряешь голову от слабовольного увлечения моей убогой внешностью и милостями, – она повернулась к девушке, стоявшей позади нас, – Илга, размахивай веером не так сильно.

На этом наш разговор прервался на мгновение, и у меня было время оглядеться. Мы проходили по главной улице самого прекрасного, самого удивительного города, который когда-либо видел этот мир. Я покинул его несколько лет назад, и мне было любопытно отметить его рост.

В плане общественных зданий город, безусловно, вырос;

повсюду были новые храмы, новые пирамиды, новые дворцы и статуи. Его величие и великолепие произвели на меня более сильное впечатление, чем прежде, когда я возвращался к нему с такого расстояния во времени и пространстве, ибо, хотя многие города Юкатана могли бы быть княжескими, эта великая столица была местом, не сравнимым ни с одним из них. Она была царственной и великолепной, не поддающейся описанию.

Но больше всего меня поразила нищета и убожество, которые так тесно соседствовали со всем этим великолепием. В толпе, выстроившейся вдоль улиц, повсюду виднелись исхудалые тела и голодные лица. То тут, то там стояли мужчины и женщины, голые, как дикари в Европе, и при этом тупые до стыда. Даже у торговца в плаще с пышными уборами, следовавшего господствующей моде на показуху, было испуганное, тревожное выражение лица, как будто он забыл само понятие безопасности и скрывал неистовое сердце за безвкусными внешними признаками процветания.

Форенис уловила направление моего взгляда.

– В последние месяцы сезон, – сказала она, – был неблагоприятным. Эти низшие люди не хотят строить прекрасные дома, чтобы украсить мой город, а поскольку они предпочитают жить в своих убогих, неприглядных конурах, среди них распространились чахотка и другие болезни, которые делают их неспособными к работе. И потом, в настоящее время зарабатывать нелегко. В самом деле, можно сказать, что тор-

говля почти прекратилась в последние полгода, поскольку мятежники с такой силой бьют в ворота моего города.

Я был изрядно выбит из колеи.

– Мятежники! – воскликнул я. – Кто бьет в ворота Атлантиды? Неужели город находится на осадном положении?

– По своей снисходительности, – легкомысленно ответила Форенис, – они подарили нам сегодня праздник, и поэтому, к счастью, мое гостеприимство для вас не нарушено. Если бы они сражались, ваши уши сказали бы вам об этом. Надо отдать им должное, они достаточно шумны при всех своих усилиях. Мои шпионы говорят, что они готовят новые орудия для использования на стенах, и ты можешь завтра выйти и разбить их, если это доставит тебе удовольствие. Но на сегодня, Девкалион, у меня есть ты, у тебя есть я, и вокруг нас мир и немного красоты. Если ты попросишь большего, я дам тебе это.

– Я не знал об этом восстании, – сказал я, – но поскольку Ваше Величество назначили меня своим министром, будет хорошо, если я сразу же узнаю все о его масштабах. Это дело, которым мы должны всерьез заняться.

– И ты думаешь, что я не могу относиться к нему также серьезно? – возразила она. – Илга, – обратилась она к девушке, стоявшей сзади, – расстегни мне платье у плеча.

И когда служанка расстегнула драгоценную застежку (как мне показалось, с очень дурным изяществом), она сама сняла ткань, обнажив чистую кожу под ней, и показала мне чуть

ниже изгиба левой груди повязку из окровавленного льна.

— Во всяком случае, есть гарантия моей серьезности вчера, — сказала она, глядя на меня исподлобья. — Стрела попала в ребро, и это меня спасло. Если бы она попала в другое место, Девкалион стоял бы сегодня у моего погребального ко-стра, а не ехал на этом моем симпатичном коне, которым он так восхищается. Твой взгляд, кажется, больше обращен на мамонта, Девкалион. Ах, бедная я. Я не принадлежу к числу мохнатых созданий, и, похоже, мне никогда не удастся привлечь твое внимание. Илга, — обратилась она к стоящей позади девушке, — можешь снова застегнуть мое платье. Мой господин Девкалион уже видел раны, и здесь нет ничего другого, что могло бы его заинтересовать.

Глава 5. Проклятие Заэмона

Оказалось, что во всяком случае на данный момент я должен был поселиться в королевской пирамиде. Сверкающая кавалькада выехала на большую мощеную площадь перед зданием и расположилась группами. Мамонт был остановлен перед входом, и когда принесли лестницу, зазвучали трубы, и мы трое, ехавшие в золотом гроте под навесом из змей, спустились на землю.

Было ясно, что мы спускаемся под открытым небом в апартаменты, расположенные внутри огромных каменных лабиринтов пирамиды, и, не задумываясь, инстинкт уважения и почтения, ставший частью моей натуры, заставил меня повернуться туда, где возвышающиеся скалы Священной горы хмурились над городом, и совершить привычное поклонение, и молча вознести предписанную молитву. Я говорю, что сделал это бездумно и по обычаю, но когда я поднялся на ноги, могу поклясться, что услышал смех откуда-то из этой причудливо украшенной толпы зрителей.

Я хмуро посмотрел в сторону насмешников, а затем повернулся к Форенис, чтобы потребовать от нее немедленного наказания за неуважение. Но тут произошла странная вещь. Я ожидал увидеть ее в момент, когда она поднимается с поклона; но она стояла прямо и явно не касалась лбом земли. Более того, она смотрела на меня каким-то странным взгля-

дом, который я не мог понять.

Но что бы ни было у нее на уме, она не собиралась разглаживать об этом перед людьми, собравшимися на площади. Она сказала мне: "Пойдем", и, повернувшись к дверному проему, крикнула, чтобы я вошел, произнеся секретное слово, назначенное на этот день. Громоздкие каменные блоки, ограждавшие крыльцо, откинулись на петлях, и она величественной походкой вышла из жаркого солнечного света в прохладный сумрак, а за ней по пятам послушно следовала девушка с веером. С тяжестью на сердце я тоже вошел внутрь пирамиды, и каменные двери с угрюмым стуком закрылись за нами.

Далеко мы тогда не ушли. Форенис остановилась в зале ожидания. Как хорошо я помнил это место с изображениями царей на красных стенах и горящим фонтаном дыхания земли, который бил из бронзовой струи в центре зала и освещал его. Старый король, которого уже нет, зашел сюда из своего благодушия, когда прощался со мной, когда я двадцать лет назад отправился за вице-королевством в Юкатан. Но воздух в зале был не таким, как в те давние времена. Тогда он был чист и сладок. Теперь же он был тяжелым от какого-то аромата, и я нашел его тягучим и гнетущим.

– Мой министр, – сказала императрица, – я оправдываю вас в намеренном оскорблении, но я думаю, что колониальный воздух сделал вас очень простодушным человеком. Такого поклонения, какое вы выказывали этой горе минуту на-

зад, не было с тех пор, как я была послана править этим королевством.

– Ваше Величество, – сказал я, – я принадлежу к клану жрецов и был воспитан в их догматах. Меня учили, прежде чем войти в дом, благодарить богов, и особенно нашего господина Солнце, за хороший воздух, который он и они подарили. Мне не раз выпадала участь быть гонимым потоками огня и смрадного воздуха среди гор во время одного из их внезапных кипений, и поэтому я произношу предписанную молитву по этому поводу прямо от сердца.

– Обстоятельства изменились с тех пор, как ты покинул Атлантиду, – сказала Форенис, – и когда сейчас возносят благодарения, их не возносят тем старым богам.

Я понял, что она имела в виду, и чуть не вздрогнул от нечестия. Если таково будет новое правило вещей, я не буду иметь к этому никакого отношения. Судьба может поступить со мной по своему усмотрению. Служить истинно царствующему монарху – к этому я был готов, но связываться со святотатством и принимать дочь свинопаса за бога, которому следует молиться и поклоняться, – это возмущало мое человеческое достоинство. Поэтому я устроил кризис.

– Форенис, – сказал я, – я был священником с самого детства, почитал богов и приобщался к их тайнам. Пока я сам не буду убежден в ложности этих старых вещей, я должен хранить верность, и если за эту верность придется заплатить, я должен заплатить.

Она посмотрела на меня и медленно улыбнулась.

– Ты сильный человек, Девкалион, – сказала она.

Я поклонился.

– Я слушала других таких же упрямых, – сказала она, – но они были обращены.

Она тряхнула рыжими пучками волос и встала так, чтобы свет дыхания горящей земли падал на прелесть ее лица и фигуры.

– Я обнаружила, что обратить упрямцев так же легко, как и сжечь их. На самом деле, разговоров о сожжении почти не было. Они все поспешили обратиться, независимо от того, хочу я этого или нет. Но похоже, что сегодня моя жалкая внешность и язык лишены очарования.

– Форенис – императрица, – сказал я твердо, – а я ее слуга. Завтра, если она разрешит, я очищу город от этого сброда, который шумит за стенами. Я должен доказать свою полезность.

– Мне доложили, что вы отличный боец, – сказала она. – Что же, я и сама немного владею оружием, и у меня есть убеждение, что я кто-то вроде судьи. Завтра мы вместе попробуем сразиться. А сегодня я должна устроить почетный прием, который я запланировала для тебя, Девкалион. Скоро начнется пир, и ты захочешь подготовиться к нему. Здесь есть покои, отведенные для тебя и снабженные всем необходимым. Илга покажет тебе их расположение.

Мы подождали, девушка с веером и я, пока Форенис не

вышла из сияния светового потока и не покинула зал ожидания через дверной проем среди теней дальнего угла, а затем (девушка взяла лампу и повела за собой) мы тоже проложили себе путь через узкие лабиринты пирамиды.

Везде воздух был наполнен ароматами духов, а проходы повсюду поворачивали, изгибались и раздваивались в твердом камне пирамиды, так что незнакомцы могли провести в поисках несколько часов – а то и дней – прежде чем прийти к нужной им комнате. У тех забытых строителей, которые возвели эту царскую пирамиду, была своя хитрость. Они не хотели, чтобы короли пали от рук вульгарных убийц, которые могли внезапно прийти извне. Говорят также, что тогдашний царь, чтобы подстраховаться, убил всех, кто строил пирамиду или хотя бы видел, как расположены ее глубинные блоки.

Но девушка с веером, как человек, привыкший к лабиринтам, вела по дороге с качающимся в руке светильником. Здесь она сворачивала, там поворачивала, а здесь остановилась посреди глухой стены, чтобы толкнуть камень, который покачнулся, пропуская нас. А однажды она нажала на угол камня на полу, который поднялся под ударом ее ноги и открыл нам крутую и узкую лестницу. По ней мы спустились, подошли к подножию наклонного пути, который снова вывел нас наверх, и так постепенно мы пришли к покоям, которые были отданы мне в пользование.

– Во всех этих сундуках, что стоят у стен, – сказала девушка, – есть одежда, а в бронзовом сундуке – драгоценно-

сти и драгоценные камни. Это – первые подарки Форенис, сказала она мне, и лишь малый знак того, что будет дальше. Милорд Девкалион теперь может отбросить свою простоту и наряжаться по моде.

– Девочка, – резко сказала я, – будь приличнее на язык и избавь меня от таких ничтожных советов.

– Если мой господин Девкалион сочтет это грубостью, он может сказать слово Форенис, и я буду выпорота. Если он попросит, меня могут раздеть и бичевать перед ним. Императрица сейчас многое сделает для Девкалиона.

– Девочка, – сказал я, – ты ближе к этой порке, чем ты думаешь.

– У меня есть имя, – ответила она, угрюмо глядя на меня из-под черных бровей. – Они зовут меня Илга. Ты мог бы услышать это, когда мы ехали сюда на мамонте, если бы не был так увлечен Форенис.

Я с любопытством взглянул на нее.

– Ты никогда не видела меня раньше, – сказал я, – и первые слова, которые ты произносишь, – это те, которые вполне могут навлечь на тебя беду. Во всем этом есть какая-то цель.

Она подошла и придвинулась к массивному камню, который покачивался в дверном проеме комнаты. Затем она положила свои маленькие украшенные драгоценными камнями пальцы на мою одежду и осторожно отвела меня от воздушного канала в дальний угол.

– Я дочь Заэмона, – сказала она, – которого ты знал.

– Ты принесла мне от него какое-то послание?

– Как я могу? Он живет в жилище жрецов на горе, которой ты поклонился. Я не видела его два года. Но когда я впервые заметила, как ты вышел из красного шатра, который они поставили на берегу гавани, мне стало жаль тебя, Девкалион. Я вспомнила, что ты был другом моего отца, Заэмона, и поняла, что приготовила Форенис. Она замышляла это два последних месяца.

– Я не могу слушать слова обвинения в адрес императрицы.

– И все же...

– Что?

Она стукнула сандалией по камню пола.

– Ты, должно быть, очень слепой человек, Девкалион, или очень смелый. Но я не буду вмешиваться дальше, по крайней мере, сейчас. Но я буду наблюдать за тобой, и если в любой момент тебе понадобится друг, я постараюсь тебе помочь.

– Я благодарю тебя за дружбу.

– Похоже, вы относитесь к ней достаточно легкомысленно. Почему, господин, даже сейчас я не верю, что вы осознаете мою власть, не более чем вы догадываетесь о моих мотивах. Может быть, вы и первый мужчина в этом королевстве, но позвольте сказать вам, что я – вторая леди. И запомните, женщины сейчас занимают высокое положение в Атлантиде. Поверьте, моя дружба – это товар, который ищут часто и с

большим усердием.

– И, как я уже сказал, я благодарен за нее. Ты, кажется, мало ценишь мою благодарность, Илга, но, поверь мне, я никогда прежде не одаривал ею женщину, и поэтому ты должна дорожить ею за ее редкость.

– Что ж, – сказала она, – мой господин, перед вами стоит задача получить нужное знание.

После этого она покинула меня, показав мне, как призывать рабов, когда я пожелаю их помощи, и целую минуту я стоял, размышляя над словами, которые произнес ей. Кто была эта дочь Заэмона, что она побудила меня изменить привычке всей моей жизни?

Рабыни пришли по моему зову и стали наперебой наряжать меня тысячей глупых одеяний и нарядов, а также (что, похоже, было современной модой их сословия) рассказывать о достоинствах целого ряда духов и благовоний. Их манеры раздражали меня. Я был уже чист и выбрит, волосы уложены, халат не испачкан; и, считая эти их настойчивые ухаживания чем-то вроде дерзости, я велел им в наказание бить друг друга, пообещав, что если они не будут делать это тщательно, я отдам их в руки клеймовщика, чтобы он наложил на них клеймо, которое будет держаться долго. Странно, но простой служащий часто может превзойти даже мятежного генерала по силе воздействия на человека.

В тот день я видел много странных мест и испытал много новых ощущений; но из всего, что попало мне на глаза,

больше всего меня удивила манера Форенис созывать гостей на свой пир. Более того, она потрясла меня до глубины души, и я не могу сказать, что было сильнее в моей груди: изумление от ее сквернословия или удивление от ее силы. Я сидел в своей комнате в ожидании сигнала, когда постепенно, из ничего, до моего слуха донесся звук, громкость которого увеличивалась с бесконечно малым шагом, пока, наконец, не превратилась в звенящий грохот, ранящий слух своей свирепостью; а затем (я догадался, что будет дальше) вся массивная конструкция пирамиды задрожала, застонала и затряслась, как будто это была всего лишь детская деревянная игрушка, которую толкнула крепкая мужская сандалия.

Это было предвестие, которое ежегодно подавали вожди клана жрецов на Священной горе, когда они заставляли весь мир задуматься о своих грехах. Это было священное напоминание о том, что из ревающего, бушующего огня и из чудовищных земных потрясений родился человек, и что этими же силами он в конце концов будет поглощен – вместе с грехами в своей груди. И вот императрица превращает торжественные события в призыв к чревоугодию, в повод для грубого смеха и чувственных проявлений.

Но откуда у нее взялась такая власть? Кто она была такая, чтобы вмешиваться в эти непонятные силы, силы, обитающие в текучем сердце нашей матери-земли? Было ли это предательство? Неужели кто-то из клана жрецов забыл свои священные обеты и выболтал этой женщине что-то, касающее-

ся священных тайн? Или Форенис своим проворным умом открыла ключ к этим тайнам?

Если это так, то я могу продолжать служить ей со спокойной совестью. Пусть она мне и не по душе, но, по крайней мере, она императрица, и мой долг – повиноваться ей. Но если бы она подговорила какого-нибудь более слабого члена клана на Священной горе, это было бы совсем другое дело. Ибо следует помнить, что одним из элементов нашей традиции было хранить наши секреты и тайны в неприкосновенности и с неугасающей ненавистью преследовать как человека, осмелившегося предать их, так и несчастного получателя его услуг.

С очень неопределенными чувствами я повиновался призыву землетрясения и велел рабам провести меня по извилинам пирамиды в большой банкетный зал. Сцена там была ослепительной. Величественная палата с чудесной резьбой была заполнена компанией, наряженной во все великолепие и цвета, какие только могла представить фантазия. Они мало задумывались о торжественном предвестии, создавшем их на трапезу, о смерти и несчастьях, открыто шествующих по городским кварталам, о мятежниках, залегших за стенами, о забытых богах и их клане жрецов на Священной горе. Все они были жадны до сиюминутных страстей; это была их мода и тщеславие – не замечать ничего за гранью.

Пламенные струи земного дыхания осветили большой зал до полуденной яркости; и когда я вышел на площадку, за-

трубили трубы, чтобы все узнали о моем приходе. Но приветственного возгласа не последовало. "Девкалион", – лепетали они срывающимися голосами, нелепо кланяясь до земли, чтобы все их украшения и шелка звенели и развевались. И когда появилась сама Форениса, и все подняли крик и совершили положенное по закону поклонение, в приветствии была та же искусственность. Они, конечно, хотели как лучше, но такова была новая мода. Сердечность стала считаться варварством в этой новой культуре.

Пара осанистых, самодовольных камергеров взяла меня под руку и направила своими хрупкими золотыми жезлами к помосту в дальнем конце зала. Оказалось, что я должен был сидеть на диване Форенис и есть мясо с ее блюда.

– Нет предела чести, которую оказывает мне императрица, – сказал я, опустившись на колени и заняв свое место.

Она бросила на меня один из своих причудливых, косых взглядов.

– Девкалион может получить больше, если он хорошенько попросит об этом. Он может получить то, о чем вздыхали все остальные мужчины в целом мире, и чего никто из них никогда не получит. Но я дала уже достаточно по своей собственной воле, он сам должен горячо просить меня о дальнейших милостях.

– Я прошу, – сказал я, – во-первых, чтобы мне разрешили очистить границы от этого сброда, который бесчинствует у городских стен.

– Фу, – сказала она и нахмурилась. – Неужели у тебя аппетит только к самым суровым наслаждениям жизни? Мой добрый Девкалион, должно быть, в твоей колонии живут деревенщины. Что ж, теперь ты должен поведать мне о том, насколько приятен на вкус этот пир.

Перед нами поставили тарелки и кубки, и мы принялись за еду, хотя у меня не было достаточного аппетита для столь изысканного и насыщенного специями угощения. Но если эта изощренная кулинария и эти роскошные вина мне не понравились, то другие пирующие в этом великолепном зале оценили всё в полной мере. Они сидели группами на площадке под струями света, как клубок радуг, и, согласно новому обычаю, впадали в восторг и экстаз от полученных удовольствий. И женщины, и мужчины задерживались на каждом лакомстве, словно это была божественная ласка.

Форенис, сверкая глазами, смотрела на них, изредка бросая то одному, то другому несколько слов между беседами со мной, и время от времени подзывала какое-нибудь привилегированное существо, чтобы дать ему кусочек яства с королевского блюда. Почетный гость съедал его с экстравагантным жестом или (как случилось дважды) убирал в складки своей одежды как сокровище, слишком дорогое, чтобы его могли осквернить человеческие губы.

Для меня эта лесть казалась грубой и отвратительной, но Форенис, возможно, по привычке, принимала ее как должное. Надо полагать, где-то в ней была слабость, хотя внешне

она не бросалась в глаза. Лицо ее было достаточно властным, тонким и, кроме того, удивительно красивым. Все придворные в пиршественном зале восторженно отзывались о лице и других красотах тела и конечностей Форенис, и хотя я не был склонен оценивать их по достоинству, я не мог не видеть, что здесь, по крайней мере, у них есть основания для восхищения, ибо, несомненно, боги никогда не оказывали смертной женщине более высокой благосклонности. И все же, как бы ни была она прекрасна, я предпочитал смотреть на Илгу, девушку, которая, в силу своего ранга, имела честь сидеть на диване позади нас в качестве ближайшей помощницы. В лице Илги была та искренность, которой не хватало лицу Форенис.

Они ели не для того, чтобы насытить свои тела, эти пирующие в пиршественном зале царской пирамиды, но все они ели, чтобы усладить себя, и с каждым блюдом и чашей, которые приносили рабы, они выставляли напоказ новые манеры. Некоторые из их повадок показались мне граничащими с неуважением. В середине трапезы один нарядный щеголь – он был губернатором одной из провинций, изгнанным в столицу из-за восстания в его собственных землях, – этот роскошный щеголь, я повтарюсь, прошел между группами пирующих с раскрасневшимся лицом и нетвердой походкой и поклонился перед диваном.

– Самая удивительная императрица, – воскликнул он, – прекраснейшая из богинь, царица, царствующая в моем обо-

жаемом сердце, приветствую тебя!

Форенис с улыбкой протянула ему свой кубок. Я посмотрел, чтобы увидеть, как он наливает почтительное возлияние, но ничего этого не произошло. Он поднес напиток к губам и осушил его до последней капли.

– Пусть все твои беды, – воскликнул он, – уйдут от тебя так же легко и оставят такой же приятный аромат.

Императрица повернулась ко мне с одним из своих быстрых взглядов.

– Вам не нравится эта новая традиция?

На что я прямо ответил, что выливать напиток к ногам человека стало по обычаю знаком уважения, но пить его показалось мне просто самолюбованием, которым можно заниматься где угодно.

– Вы все еще придерживаетесь старых строгих учений, – сказала она. – Наш новый свод правил предписывает нам прежде всего наслаждаться жизнью, а другие вещи упорядочивать так, чтобы они не мешали нам получать непосредственное удовольствие.

И вот пир продолжался, гости упражнялись в чревоугодии и нелепостях, а стражники стояли с оружием в руках по периметру стен, неподвижные и суровые, как статуи, высеченные из белого камня за ними. Но неожиданно оргии был положен конец. У дальнего входа в пиршественный зал возникло волнение, раздался стук – двое стражников скрестили копья у входа. Но человек, которого они пытались оста-

новить — или, возможно, заколоть, — миновал их невредимым и прошел по дорожке между огнями и группами пьющих. Все оглядывались на него, некоторые бросали ему грубые слова, но никто не осмелился остановить его продвижение. Несколько человек, в основном женщины, как я заметил, вздрогнули, когда он проходил мимо них, словно их охватил ледяной холод; и в конце концов он подошел и встал перед диваном Форенис и пристально посмотрел на нее, но не поклонился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.